

СВЕТЛАНА ЧЕРЕМУХИНА

Долгая дорога к себе

Светлана Черемухина
Долгая дорога к себе
Серия «Картина», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21236068
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Бывает так, что невозможно найти себя, не потеряв, оценить что-то, не сравнив с другим. Все познается в сравнении, и заглянуть в себя и дать оценку себе – самое трудное. Но когда происходит узнавание, понимание и осознание себя – это та сила, тот источник вдохновения и счастья, который уже невозможно забыть и уничтожить.

Содержание

ЧАСТЬ 1	4
ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	25
ГЛАВА 3	48
ГЛАВА 4	74
ГЛАВА 5	102
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Светлана Черемухина

ДОЛГАЯ ДОРОГА К СЕБЕ

ЧАСТЬ 1

Бывает так, что невозможно найти себя, не потеряв, невозможно оценить что-то, не сравнив с другим. Все познается в сравнении, и заглянуть в себя и дать оценку себе – самое трудное. Но когда происходит узнавание, понимание и осознание себя – это та сила, тот источник вдохновения и счастья, который уже невозможно забыть и уничтожить.

ГЛАВА 1

Первые часы осознания своей новой ипостаси дались Свете труднее всего. Паника набросилась на нее гибкой пантерой, давя на грудь, мешая вздохнуть, разрывая сердце на части, вызывая сильное сердцебиение. Ощущение у девушки было, как будто она погружается в омут, и темные воды смыкаются над головой, отрезая путь к свету и кислороду. Пот выступил на коже, испарина покрыла лоб. Все силы она потратила на то, чтобы не завывать в голос. Давясь слезами, часто смаргивая, пытаясь их прогнать, она часто и глубоко ды-

шала, стараясь делать это бесшумно. Это отняло все силы, которых и так было мало.

Ее практически не кормили, только два раза в день вводили раствор глюкозы через капельницу, ловко прикрепленную к верхней полке. Умело, равнодушно, действиями, доведенными до автоматизма, с ней обращались как с товаром, неживым и не одушевленным. Не грубо, не пошло, но абсолютно бездушно.

Кто она им? Кто она вообще? Тело, которое можно продать, за которое можно получить деньги. У них семьи, их надо кормить, и каждый зарабатывает, как может, как умеет. Они умеют воровать чужие жизни, чужие души, продавая их в вечное рабство. Что получается, тем и занимаются. И не важно, что у нее были планы, что у нее были чувства, что она вкусила счастья и любви. Все оказалось перечеркнуто улыбочивым белозубым цыганом на безымянной остановке, который каждый вечер вдыхает прохладу ночи, слушает шелест ветра в ветвях, ежится от мороза и имеет неограниченную свободу действий. Вот так. Он лишил ее всего. Просто так. Нет, не просто, а за деньги.

Она вела себя так, чтобы как можно меньше привлекать к себе внимания. Трубадур однажды вспомнил о ней случайно, и удивился:

– Надо же, молчит и не жалуется. Другим успокоительное вкалывали каждый раз после пробуждения, а эта – ниже травы, тише воды. Молодец.

– Пустая, – не согласился второй. Покорные и квелье его не интересовали. Он обожал сопротивление, его возбуждали сильные натуры. Он умел их ломать. Это придавало вкус и остроту его жизни. – Слабачка.

– Витаминчиков бы ей добавить, что ли, – рассуждал Трубатур.

– Да ладно, скоро приедет на курорт, там и получит витаминчиков, – толстяк заходил в тихом сиплом смехе, трясясь всем телом. – Солнце, воздух и вода – все что нужно молодому растущему организму.

Белобрысый мужчина смотрел на него с легким шутливым укором.

– Плохой товар – меньше выручка, Ваня. Ты хотел новую машину, у меня тоже планы, женюсь скоро, так что мотай на ус. В следующий раз надо не только глюкозу с собой брать.

– Еще чего, – ворчал толстяк, по-хозяйски хлопая девушку по щеке. – И так сойдет. Нормальная она, – и он ощупывал ее руки, ноги. – Вон мышцы какие. Нам бы не продешевить с ней.

Света намотала это на ус себе. Притворяясь сонной и слабой, делала вид, что не опасна, что не является для них помехой, и ее оставили в покое, забыли и не трогали, но кололи раствор ежедневно по часам.

Первый день пути прошел в борьбе с удушливым липким страхом, второй оказался сложнее. Предстояла борьба с воспоминаниями, с чувством тоски и одиночества. Огромных

сил ей стоило прогонять образ любимого человека, когда сердце заходило в безжалостном стуке, грозясь вылететь из грудной клетки. Нить, связывающая ее с Арсением, истончалась и слабела. Света чувствовала, словно из нее тонким ручейком вытекает душа, растекаясь лужицами на полу, жалостливо хлюпая под ногами ее равнодушных похитителей.

Обедали мужчины всегда в вагоне-ресторане, и девушка была рада, что никакой гастрономический аромат не раздражал ее ноздри.

Что же, душа и отвага тоже нуждаются в упражнении, говорила она себе, и заставляла повторять словно молитву: «Я сильная, я смогу, я сумею, у меня все получится». Мы не рабы, рабы не мы. Да, как, на самом деле, оказывается, все сложно в этом мире. Свободолюбивое существо, живое и мыслящее, нельзя заточать в темницу, нельзя лишать полета, нельзя ломать, иначе, оно тоже может сделать больно своим поработителям, сражаясь за то, что подарили ей с рождения – свободу.

И она тренировала и волю, и мышцы. Каждый день заставляла себя сжимать кулаки, подгибать колени, но незаметно, едва-едва, чтобы не привлечь внимание мужчин. Днем времени было мало – только когда мужчины отправлялись в ресторан или выходили покурить, а ночью не щадила себя часами, изматывала до седьмого пота, до набухания вен на виске, жил на шее. А потом лежала, остывала, чтобы следы на-

пряжения исчезли к моменту общего пробуждения. На лице снова маска равнодушия, в полуприкрытых глазах – пустота, в сердце – неугасимый огонь зреющего бунта.

И силы возвращались. Незаметно, по крупице, по капле, но тело наливалось силой и закипало. Даже голод не мог подорвать эту мощь, скрытую внутри, никуда не пропавшую, как только действие наркотика развеялось и исчезло. Мышцы тяжелели, кулаки уже сжимались, и к концу третьего дня Света могла шевелиться. Ликование скрыла под опущенными ресницами, радость прогнала, закусив до крови губу. Она сможет, она готова, она неумолима, она... их убьет.

И час настал. На четвертый день рано утром задремавшую девушку вспугнул шорох. Она резко раскрыла глаза и вздрогнула всем телом: над ней навис толстяк со шприцем в руках. Она увидела, как расширяются его глаза от удивления. Мужчина никак не ожидал увидеть такой осмысленный гневный взгляд, а движение его просто напугало. Он открыл уже рот, чтобы крикнуть напарнику, но Света, схватив его за руку, в которой он сжимал шприц, резко ударила его в кадык ребром ладони. Пока с хрипом он оседал на пол, заваливаясь под стол, ввела ему наркотик, предназначенный для нее.

Что же, ее решили транспортировать дальше в бессознательном состоянии? Она не согласна, и на этот раз им придется с ней считаться. Из поезда она выйдет своими ногами.

Услышав шорох и странные звуки, полусонный Трубадур вскочил. Он был в одних плавках и осоловело тарашил глаза.

Света увидела то же обескураженное выражение в его глазах, но он также не успел ничего предпринять, Света опередила его, ударив в пах. Пока он медленно оседал, двумя ладонями нанесла удар по ушам, схватила за волосы и ударила о свое колено. Послышался хруст, мужчина с лицом, залитым кровью, упал к ее ногам.

Одеваться не пришлось: легенцы и рубашка были на ней, балетки стояли под полкой, куртку запихнули туда же. Одевшись, дрожащими руками Света принялась шарить в карманах брюк и курток мужчин: все могло пригодиться. Улов составил около тысячи долларов, ампулы, пистолет. Схватив все это и засунув в полиэтиленовый пакет (за неимением ничего другого), Света бросилась из купе. Она слышала, как недавно поезд останавливался на полустанке, сейчас же набирал ход, но не успел еще отойти от станции далеко.

Через весь коридор Света бросилась в тамбур, дернула дверь – та оказалась не закрытой на ключ, видимо, сегодня действительно ее удачный день. Открыла дверь и замерла, но только на мгновение. Кожу обдало свежестью, но это уже был не тот климат, чтобы сжиматься от холода, они въехали в южные широты, и ветер ласкал, холодил и приятно будоражил.

Снежная равнина неслась одной ровной лентой перед глазами, изредка вспарываемая островками открытой грязной земли, и это мельтешение показывало скорость локомотива, но Света решилась. Остаться в поезде она больше не мог-

ла. Неизвестно, может, здесь не только она одна томила в неволе, и таким способом почти легально, или, по крайней мере, с негласного молчаливого согласия местных властей и начальника поезда, перевозят рабов постоянно и систематически. Вырваться из плена, чтобы самолично вернуться в руки похитителей, найдя вагон охранников, ей не хотелось. Набрав побольше воздух в легкие, как перед погружением, Света прыгнула. Земля больно ударила по ногам, под дых, закрутилась, завертелась. Девушка кубарем полетела под гору, натываясь на редкие кусты, приминая их, царапая шею и лицо, все быстрее, не в силах разобраться, где верх, где низ. Вкус железа во рту: прикусила язык, вспыхнул костер в руке: содрала кожу о какой-то острый камень, удар обо что-то твердое бедной головой, звон в ушах и мгновенная темнота.

* * *

Арсений сходил с ума от горя. Он посерел, осунулся, забыл про сон и еду. Жестоким допросам подвергались все, кого он находил хоть сколько-то причастными к делам Мангуса, кто хоть раз был замечен в поле его зрения, даже если проходил рядом. Вопрос был один: где его жена, но никто этого не знал, никто не мог сказать ничего вразумительного. Из-за этого и погибали.

Мир потемнел, перестал существовать, замер в каком-то ином измерении, пока мужчина выпал из его хода и движе-

ния. Замерли все чувства, отпали все желания, естественные потребности. Колоколом звенела в голове одна мысль: найти любимую. Набатом грохотало сердце: спасти любимую.

Он не хотел и не мог поверить, что она мертва. Сердце противилось, все в нем возмущалось. Я бы почувствовал, шептал он себе. Я бы понял это. Я бы умер тогда. И он верил. Верил своему единственному ощущению, единственному рефлексу: она среди живых, она еще под этим небом, дышит, ее сердце бьется. И он ее найдет. Эта уверенность спасала от отчаяния, болотом готового затянуть его в свою пучину.

Сам Мангус легко отделался, и, думая об этом, Арсений скрипел зубами от ярости. Не сдержался в тот вечер, когда депутат почти заговорил. Мангус с людьми подъехал неожиданно. Видимо, и у них разведка поставлена неплохо. Претендент на трон Лугового вел себя нагло и уверенно. Смерил Арсения надменным взглядом, почувствовал себя королем. Он переоценил свои возможности, и потому проиграл. Сообщение о том, что Светлана находится у них в руках и скрыта в надежном месте разъярило Лугового настолько, что никто не понял и не заметил, как Арсений в два прыжка оказался рядом со своим врагом, захватив его в кольцо рук, сомкнув их у него на шее.

– Говори, – прорычал он, больше похожий в эту минуту на животное, чем на человека.

Все, кто увидел его волчий оскал и страшный блеск в гла-

зах темнее свинца, отпрянули, отступили на шаг. Все знали, как он ужасен, но до этого момента никто не представлял, насколько.

– Еще чего! Ты у меня попрыгаешь, – просипел Мангус, уверенный в своей неприкосновенности. У него на руках козырь, он справится с этим монстром, с этой машиной для убийства.

– Говори, или умрешь, – Арсений и не думал ослаблять хватку.

– Сначала ты выслушаешь все мои условия, – прохрипел синеющий мужчина, – а потом выполнишь их, и тогда, может быть, вполне вероятно, но не обязательно, я, конечно, не обещаю, но подумаю... – он полагал, что играет со своим врагом, почти уже рабом, но недооценил степени гнева и ярости противника.

– Я хочу знать, где моя жена, – это было третье предупреждение, последнее.

– Сначала встань на колени, тварь, – прошипел Мангус. – Иначе, стоит мне подать знак, и с твоей женой сделают такое, что до конца жизни будешь рыдать от горя и сожаления.

Улица наполнилась криком и рычанием зверя, послышался хруст сворачиваемой шеи, и тело Мангуса тихо сползло к ногам Арсения.

– Кто еще хочет причинить вред моей жене? – слова раздались в абсолютной тишине, и враг дрогнул. – Кто-нибудь хочет подать знак?

Белее снега стоял Артем со своей командой, которая участвовали в похищении Светланы. Он молился, чтобы никто не показал на него. Повезло же Доку: с больной спиной остался в тепле и относительной безопасности. Но он сдал тело на руки. Если покажут, где, а там уже никого нет в живых, тогда отдуваться ему.

Дрогнул Комбат. Он наемник, его не касаются личные проблемы врагов, но раз наниматель мертв – он умывает руки. Не успел, умылся кровью, как и его бригада из пятнадцати опытных бойцов. Люди Арсения знали свое дело, и не ушел никто. На сладкое оставили Полякова.

Оглядывая поле боя, усеянное трупами, толстяк затрясся так, что вызвал усмешку на лице Арсения.

– Зачем ввязался в это дело, раз такой трус, – сплюнул мужчина в кровавый снег под ногами. На лице кровь, своя и врагов, руки сбиты, костяшки кровоточат, оружие раскалилось от постоянной работы.

– Я не воин, я стратег, – пролепетал человек. – Я мозг, – и сделал шаг в попытке отдалиться от этого чертова зверя.

– Мозг, отупевший от страха, – проворчал Арсений. – Скажи, мозг, куда спрятали мою девочку?

– Ддевочку? Ккакую ддевочку? – Поляков стал заикаться, озираясь по сторонам.

Никогда он не видел таких глаз: темные провалы ада смотрели на него, испепеляя и подчиняя. Он чувствовал, что готов обмочиться у всех на глазах. Никто не мог ему помочь.

В живых не осталось никого из своих.

– Мою девочку, – прошептал Арсений. – Мою жену, – он навис над Поляковым мощной скалой, неумолимым роком. И нет спасения от этого давления, от этой нечеловеческой сути, от этой сокрушительной воли. И Поляков сломался.

– Я не знаю! Не знаю! Что ты от меня хочешь! – заверещал он, брызжа слюной, заламывая руки. – Я не трогал ее! Я с самого начала был против! Я не хотел, чтобы так! – он упал в красно-белую кашу и замолотил кулаками по снегу, разбрызгивая красные ошметки вокруг себя.

Арсений спокойно смотрел на эту истерику. Достал запасную обойму, перезарядил оружие и направил в висок ползающему у его ног мужчине. Поляков поднял глаза, полные слез и заголосил:

– Не стреляй! Не надо! Я все скажу, только не стреляй. Не убивай, не надо, прошу... – он все-таки обмочился.

– Говори.

– Ее отвезли на одну точку, – горячие слезы стекают по трясущимся щекам.

– Где?

– Недалеко от города, – жаркий пар облаком вылетает из перекошенного рта.

Арсений ткнул дулом в висок.

– Я не буду задавать наводящие вопросы, и в вопрос-ответ играть не буду. Или говоришь все, или я стреляю.

– Я все скажу, все скажу. Я все скажу, – Поляков задыхался.

ся. Ему сделалось плохо, необходимо принять лекарство, но он забыл об этом. Обычно Гриня следил за здоровьем любовника, таскал его таблетки и вовремя их ему давал. — Дом путевого обходчика, недалеко от станции Лытнёво.

Этим признанием Поляков подписал себе смертный приговор с отсрочкой, пока добирались до точки. Арсений сел за руль своей машины. На предложение заменить его даже не отреагировал. Руки дрожали, сердце стучало, он несся по ночным улицам так, словно собирался взлететь. Поляков, зажатый между жилистыми телами его подчиненных, тихо скулил от страха, закрывая глаза на особо крутых поворотах, а его тюремщики только угрюмо переглядывались с широко раскрытыми глазами, но молчали. Другие машины едва поспевали за боссом.

Дом оказался пуст, вещи были разбросаны, словно люди покидали его в спешке, собрав только самое необходимое. Арсений обследовал комнату. Все указывало на то, что здесь находилось несколько человек, минимум двое. В подвальчике обнаружили труп одного из людей Мангуса.

Арсений долго сидел рядом с неподвижным телом, сливаясь с ним по степени бледности, глядел невидящими глазами, размышлял в тишине, которую никто не смел нарушить. Парень наткнулся на стекло. Не сам, кто-то помог ему упасть. Конечно же, Светка. Значит, она сбежала. Если ее и хотели убить, то не смогли это сделать, ее палач сам попался, а ее нет. Или ее увели те, кто сбежал, или она сама ушла

отсюда. А значит, скоро она может появиться дома. Вот и окровавленные веревки. Детка, она развязалась, она смогла. Она умничка!

Радость, теплота, нежность затопили сердце, вызвали улыбку. Глаза защипало, и Арсений сильно заморгал, прогоняя слезы.

– В город, – сказал он, стремительно поднявшись. На ходу выстрелил в Полякова, чтобы Светиному тюремщику не было так одиноко в сыром и холодном подвале.

В ближайшие сутки Света не появилась. Прошел день, второй, третий. Арсений склонялся к версии, что ее все же увели, иначе она давно уже дала бы о себе знать. Значит, следует продолжать поиски.

Начался отлов отбившихся, опоздавших, оставшихся не у дел, растерянных и до смерти перепуганных боевиков. Кажется, в истории уже было такое: мнили себя завоевателями мира, надеялись на программу «блиц-крик», но не тут-то было, недооценили степень мощи и злости врага. На том и погорели.

Арсений ездил в город, откуда началось нашествие крыс, отыскал семьи многих боевиков. Мангус оказался холостяком, его престарелая мать ничего не знала о сыне: информация почти не доходила до стен дома для престарелых. Арсений брезгливо морщился, глядя на старую больную женщину, не сумевшую воспитать сына так, чтобы провести достойную старость. Что ж, она сама себя наказала.

Он понимал, что жены и дети его врагов не заслужили смерть. Их вина заключалась лишь в том, что они полюбили отморожков и убийц, но ведь, и он такой. Его рука не дрожит, нажимая на курок. Разница лишь в том, что он не воюет с женщинами и детьми, вот и не тронул никого. Достаточно того, что в этом городе появилось много вдов и детей-сирот, и никто не заплатит им компенсацию за потерю кормильца.

* * *

Бертуччо рвал и метал. Он сокрушил и смел все в своем домике, когда понял, что девушку ему не привезут. Как это пережить? Несколько дней он держался благодаря одной только мысли: скоро он будет сжимать в своих объятиях ту, ради которой согласился умереть. Нет, все же он обыграл своего брата! Он получит то, что, как его уверяли, для него совершенно недоступно! Он получит Светлану Черемухину! Нет, Луговую. Ну да это не сложно изменить, это самое простое. Чччерт, он опять упустил ее!

Он схватился за голову, стоя посреди разгромленной комнаты и тихо завыл. Вечная борьба с Арсением, вечное соперничество. Арсений и не заметил, что Бертуччо вырос, стал самостоятельной личностью и желает сам выбирать свою жизнь. И он выбрал женщину. Не важно, что ту же самую. Идеальный вкус – их общий бич. Бертуччо усмехнулся этой мысли.

Уж он бы объяснил Свете все, оправдался, почему согласился «умереть» для нее, уйти из ее жизни. Но он живой! Он не может похоронить себя здесь и все забыть. Да и как такое забудешь... Эти глаза, глубокие, прозрачно-голубые, наивные, доверчивые, усталые, разочарованные, лукавые, озорные, незащитные... Мужчина закусил губу и не заметил, как потекла кровь. Ее волосы. К ним можно прикасаться бесконечно долго. Нет, он врет сам себе, есть множество мест на ее теле, к которым он может прикасаться дольше.

Дурак! Какой же он был дурак! Отдать ее девственность Арсению! Болван! Он швырнул стул, чудом оставшийся целым, в окно, разбив стекло. А ведь она сама предлагала ему себя. Ему, Бертухчо Ливертье! А он отступил, позорно, покорно. Привычно ушел в сторону, чтобы не перекрывать свет Арсения Лугового всем, желающим окунуться в его лучи. Не важно, зверь больше не может оставаться в клетке, ему надо на свободу. Он вернется в город и заявит о своих правах. Он заберет то, что желает вот уже столько времени, без чего не может жить...

Но она же любит Арсения, она умрет в тоске без него... Посмотрим. Поживем – увидим.

Неожиданно его прошиб холодный пот. Он остановился и замер посреди комнаты. А что, если Мангус не выпустит ее из своих рук? Что, если он оставит ее себе или вообще убьет? Этот отморозок не из тех, кто способен понять и оценить эту девушку по достоинству, а вот испохабить, унижить, сломать

и уничтожить — это он может.

* * *

Она открыла глаза. Огромные звезды мерцали в чернильном небе. Как красиво. Как волшебно, как необычно.

Девушка поднялась с земли и осмотрелась вокруг. Странно одета, в какой-то непонятной куртке размера на четыре больше, чем требуется, в летней обуви, хотя местами еще лежит снег. Что она делает в этом лесу? Почему она здесь? Откуда пришла и куда направлялась, и почему лежала на земле, рассматривая звезды?

Девушка поморщилась. Голова сильно болит и тикает в висках. Саднит все тело и ноют мышцы, как будто она разгрузила вагон угля. Вагон угля... А что, железная дорога недалеко, она слышала стук колес проносящегося неподалеку поезда. Может, она и правда это делала? На железной дороге много угля.

Она растеряно оборачивалась, не понимая, в какую сторону ей надо идти, и зачем. Ей надо домой. Домой. Домой... Это куда? И зачем? И к кому? Она помотала головой, пытаясь растряссти кисель в мыслях, но ничего не изменилось. Она знала, что такое «идти домой», но не было картинки и четкого понимая, что есть ее дом. Вот есть железная дорога, лес и небо, и она посреди всего этого, и это все. Что ей здесь делать, что ей вообще дальше делать — она не понимала. Куда

идти и зачем? Она просто пошла вдоль железнодорожного полотна. Что ей делать со своим телом, со своим временем? Буду просто идти, подумала она. Может, я и до этого просто шла, ну, до того, как легла отдохнуть. Отдохнуть... Значит, я устала? Отчего? Я что, правда разгружала вагоны? При чем тут эти вагоны? А что еще я могла разгружать? А почему я обязательно должна была что-то разгружать? Ну, у меня все болит, на мне спецовка, фуфайка, или как это называется? Я где-то работаю? Работа... Что такое работа? Откуда это слово?

Она шла, ежась от ночной свежести, но ветер был мягкий и ласковый.

Послушайте, ведь если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно?

Это откуда? Это что? Стихи. Она точно знает, что это стихи. Откуда? Чьи? Этого она не знает. И кто она сама – ей неизвестно. Почему? Знала ли она это когда-нибудь? Надо ли это знать и почему она так к этому стремится?

Она шла и шла, пока не стало светать. Упала, не дойдя метров триста до поселка. На нее наткнулись спустя час. Охотничий пес, обнюхав и облизав ей лицо, радостно залаял, виляя хвостом: его ждала заслуженная похвала. Несколько мужчин бросились к нему со стороны поселка, несколько – из леса, в который не успели углубиться далеко.

Ее искали. Как только стало известно о ЧП районного масштаба: товар сбежал из поезда, вырубив двух своих охранни-

ков. Один впал в младенчество, по крайней мере, стал так же глуп и беспомощен, второму насильно изменили внешность, к радости пластического хирурга. Поймать виновницу было и делом чести, и вопросом безопасности. Сбежавший свидетель всегда является угрозой хорошо поставленному бизнесу. Продавцы живого товара не собирались погореть из-за того, что прыткая девица знает несколько приемчиков, а ее охранники оказались олухами.

Очнулась девушка от того, что кто-то усиленно ее тряс. Раскрыв глаза, она никого не увидела. Оглядевшись, поняла, что находится в фургоне с брезентовым тентом. Она куда-то едет? Нет, ее куда-то везут по очень неровной дороге, по бездорожью. Бездорожье... Кто? Куда? Домой? Или разгружать вагоны?

Она попыталась подняться, но оказалось, что сделать этого не может. Руки и ноги были крепко связаны, от пояса тянулась веревка, прикрепленная к металлическому каркасу фургона, к которому крепился тент. Что это значит? Девушка решила подождать, пока ее куда-то привезут. Кто-то же ее привязал, значит, кто-то и развяжет. Она закрыла глаза и попыталась снова заснуть. Пусто в голове, пусто в желудке. Пусто вокруг. Какая пустая у нее жизнь. Жизнь... что это? Какая она должна быть?

Арсений лежал на полу посреди холла, раскинув руки, словно падая в пропасть с огромной высоты. Столько дней о ней нет вестей. Даже выкуп не требуют, никаких условий не выставляют. Ничего. Тогда для чего ее удерживают? С какой целью? И кто? Он никак не мог этого понять. И что ему делать, он не знал. Он зашел в тупик.

Во дворе послышались медленные шаги, кто-то поднялся по лестнице, открылась дверь, и кто-то переступил порог. Животным натренированным инстинктом Арсений понял, кто это. Ноздри его затрепетали, мышцы напряглись, но он продолжал лежать, не двигаясь. Если он вскочит – он убьет, а ему хотелось поговорить.

– Знаю, что ты чувствуешь, понимаю тебя, и со всем соглашаюсь, – тихо произнес Бертуччо. – У тебя есть полное право убить меня.

– Ты за этим пришел? – глухо спросил Арсений, не поворачивая головы.

– Нет. Я хочу жить. Я хочу ее найти. Я хочу помочь.

– Тогда зачем ты ее погубил?

– Что? – Бертуччо побледнел. Он понимал свою вину, он клял себя и оплакивал потерянное счастье.

Мужчина на полу все же пошевелился, поднялся и сел на колени, по-прежнему не оборачиваясь к вошедшему.

– Ты понимаешь, что наделал? Ты сдал ее моим врагам! Отдал в их руки! Сам, добровольно!

Бертуччо издал странный звук, похожий на сдавленный стон.

– И не говори больше, что ты ее любишь. Подвергнуть смертельной опасности человека можно только ненавидя его, – сердце снова сильно заколотилось, как в тот момент, когда он узнал, кто его предал, кто выдал его чувства и указал на Свету, как на выгодного заложника для того, чтобы диктовать свои условия и получить город на блюдечке.

– Тогда я должен был сдать им тебя, – глухо вырвалось у Берта.

– Все-таки ты сказал это, – горько улыбнулся Арсений. Он по-прежнему не поднимал головы.

Бертуччо в порыве непонятых сейчас чувств подскочил к брату, упал рядом с ним на колени и схватил его за шею, сильно прижавшись к нему.

– Связанные одной цепью, – грустно усмехнулся Арсений. – Только раньше нас объединяла любовь, а теперь – ненависть.

– Нет, – Берт замотал головой. – Не говори так.

– Да. Теперь кто кого. Кто быстрее ее найдет и успеет нажать на курок.

Бертуччо поднял на него потемневшие глаза.

– Так и будет, клянусь, – кивнул Арсений. – Мы на равных, победитель получает все.

Кажется, он уже однажды говорил это.

– Какое же тут равенство! Если ты убьешь меня, она просто всплакнет. А если я тебя – она умрет.

– Жизнь такая штука... я все меньше и меньше понимаю что-нибудь в ней. Кто знает, как все обернется и чем закончится... – Арсений гладил волосы Берта. Все как раньше, только теперь между ними пропасть, полная боли и горя.

– Мы найдем ее, и все будет хорошо, – твердил как заклинание Берт. Только сейчас он понял, как же все это время ему не хватало брата. Они сиамские близнецы. Проклятые сиамские близнецы. Несчастные и обездоленные. Потерявшие смысл жизни, радость и вкус... – Все будет хорошо, – шептал он как молитву.

ГЛАВА 2

Ее вели мимо странных одноэтажных строений, напоминающих хижины. Хижины? Хм, хижина дядюшки Тома. Плантации. Плантации? Девушка округлила глаза: время от времени ей попадались люди, бедно одетые, с повязанными на головах платками или тюрбанами, так как солнце пекло нещадно, несмотря на то, что местами лежал снег. На лицах печать уныния, замкнутость, отстраненность. Сломленные души. Это откуда? Почему? Кто сломал? Зачем? Она крутила головой во все стороны, пока не получила затрещину.

– Чего лыпаешь? Иди, давай, да под ноги смотри, и так тебя все заждались, – грубый окрик охранника вернул ее к действительности.

На все ее вопросы никто не хотел отвечать, и пока ее отвязывали в кузове машины, хранили молчание. Подтолкнули в спину, чтобы спрыгнула на землю, ткнули в бок, чтобы шла по тропе. Она ничего не понимала. Ей было нужно домой. Так это и есть ее дом?

– Мы идем домой? – спросила она, попытавшись оглянуться на двух своих провожатых, но тут же получила очередной тычок, принудивший ее опять отвернуться.

– Домой, домой, тебе тут будут рады.

Девушка улыбнулась. Наконец-то.

Мужчина сидел в плетеном кресле, курил сигару и читал стихи. Вернее, держал в руках томик стихов Бальмонта, но не видел ни строчки. Легкий ветер трепал его волосы, то закидывая ему челку на глаза, то отбрасывая ее назад. Мужчина не обращал на это внимания. Уже несколько минут он наблюдал за девушкой, идущей к нему с таким спокойствием, словно на встречу с долгожданной судьбой, всегда относившейся к ней благосклонно. Одухотворенность, вот как можно назвать выражение ее лица.

Мужчина всегда искал это в женщинах, но ему редко везло. Мучить пустых и никчемных телок было скучно, неинтересно, а вот таких, в глазах которых горит особенный свет, искрится ум, отражается внутренний мир, он обожал. Только такой случай выпадал нечасто. Сломать сильную личность, поработить многогранную душу, подавить нестигаемую волю, найти предел их мужества, насладиться их падением, подойти к границе их морального и физического терпения.... О, вот истинное наслаждение, вот ради чего стоит жить.

Генрих ждал. Он во все глаза смотрел на девушку, которая должна подарить ему минуты истинного счастья. А может, и часы, смотря, на сколько ее хватит. О, он как истинный гурман, растянет удовольствие на долгие недели. Он постарается.

– Генрих, товар прибыл, – сообщили охранники, приблизившись к крыльцу красивого домика.

– Отлично, отлично, – мужчина обнажил крепкие белые

зубы в искренней улыбке. О, эти зубы умеют рвать нежную женскую плоть. Их уже сводит в предвкушении. – Определите ее в сектор «Б», пускай с месяц в поле поработает, пообвыкнет, осмотрится, а там, возможно, я определю ее в дом.

Охранники снова толкнули девушку в спину, она нервно заозиралась, удивилась, что в дом ее не пустили. Разве она шла не сюда?

– Да, и вот еще что, – остановил Генрих ретивых провожатых, – покормите ее с дороги, устала, наверное, – и он долго смотрел ей в след, пока озадаченные мужчины вели девушку на кухню.

На их памяти еще ни разу не было такого, чтобы доставленный товар кормили, прежде чем отправить на поля.

* * *

– Ты слишком долго копаешься, – услышала она шепот за спиной.

Обернулась. На нее с опаской смотрела черноволосая девушка с голубыми глазами. Все остальные трудились, не поднимая головы, а она с интересом ее рассматривала своим цепким взглядом.

– Медленно, говорю, все делаешь, – улыбнулась голубоглазка.

– Но надо же тщательно пропалывать.

– Ага, а потом тебя тщательно накажут за низкие показа-

тели, – скривилась брюнетка.

– А что же делать? – удивилась девушка.

– Порасторопнее надо быть, порасторопнее. Руками шевели и поменьше думай, – проворчала та. – Кстати, о чем ты все время думаешь? У тебя такой отстраненный вид.

– Не знаю, – пожала плечами, продолжая прореживать растения, девушка. – Я мало что помню. Вот пытаюсь вспомнить... осень.

– Осень? – брюнетка опять скривилась. – А чего ее вспоминать? Слякоть, дождь, холод, брр, – она поежилась, будто оказалась на пронзительном ветру в хмурый пасмурный день. Хорошо, что здесь тепло и светит солнце. И этот свежий ветер с гор. Это порой может примирить с той участью, которая постигла смешливую от природы и неугомонную девушку.

Хмурый пасмурный день... Листья, много листьев. Низкое небо, затянутое облаками, мелкий-мелкий дождь, почти изморось, и... счастье. Что такое счастье? Вот это томление, которое теснит сейчас грудь, когда хочется петь и плакать? А почему этого хочется? Осень – это что-то хорошее. Это что-то... приятное. Что?

– Слушай, ну ты даешь, – брюнетка хохотнула, дернув ее за рукав. – Опять задумалась? Мечтательница. Ты это дело брось, здесь это не приветствуется, – тут же с мрачным видом посоветовала она.

– А почему? Это... плохо?

– Для тебя – да. Будешь хуже работать – заporют. Здесь хоть умри, а свою норму сделай. Иначе – не жить, – и она провела ребром ладони по своему горлу.

– Как это? – удивилась девушка.

– Ну что ты глазами хлопаешь! И это, что ли забыла? – недоверчиво покосилась на нее голубоглазка.

– А что, должна помнить?

– А как же. Ты знак свой видишь? – она взяла девушку за тонкую кисть, поднесла к ее глазам. Квадрат в треугольнике с цифрами внутри. – Помнишь, что это означает? Что это такое?

– Нет, не помню. Я... не знаю... А что это означает? Скажи мне, пожалуйста. В голове полный сумбур.

– Сумбур? Ну надо же, как ты выражаешься, – голубоглазая девчонка недоверчиво взглянула на нее.

– Да, я ничего не помню.

– «Не помню», – передразнила брюнетка и недоверчиво на нее посмотрела. – Это знак раба.

– Я раб? А ты?

– И я, – вздохнула брюнетка.

– Но у тебя он другой, – девушка взглянула на треугольник, навсегда впитавшийся черными чернилами в кожу красивой брюнетки.

– Ясное дело, я из свободных, – почти гордо заявила черноволосая девушка, и добавила с грустью: – Была...

– А что это значит? А я из каких?

– Ну ты чего, совсем ничего не помнишь? Здорово же тебя приложили. За побег, что ли, или за воровство? Или хозяйину отказала?

Девушка неуверенно улыбнулась и лишь пожала плечами.

– Короче, я из свободных. А ты – раба от рабы.

– А это плохо?

– Да как сказать, – брюнетка вдруг спохватилась и тоже принялась работать. Руки резво выдергивали траву, сказывался опыт в этом деле. – Я сюда попала из своей нормальной жизни. Восемь лет назад. Поэтому у меня знак отличия – просто треугольник с личным номером. А ты уже родилась здесь, от рабы, которая, может, была свободной когда-то, а может, и нет.

– А это как?

– Нет, ну ты как малый ребенок, – притворно возмутилась рассказчица. – Впрочем, ты и есть ребенок. Вы все, рожденные в рабстве, как дети.

– Почему? Мы никогда не будем большими?

– Нет, не в этом смысле, – брюнетка посмотрела на девушку с жалостью. Сердце ее защемило. Такую обидеть – все равно что дитя ударить. А ее вон как, что ничего не помнит. Мозг, наверное, отказывается вернуться в кошмарную реальность.

Голубоглазая красавица вздохнула.

– Работай давай, чего на меня смотришь. Слушай, дети рабов ничего не знают и ничего не понимают.

– Это как? Совсем-совсем?

– А кто будет их обучать? Кто будет читать им сказки? Их выращивают для работы. Вот. И интеллект им не нужен. Они иногда и говорить-то толком не могут, просто не умеют. Зато работают лучше обычных людей. Просто как роботы.

– Роботы?

– Вот-вот, ты даже не знаешь, что это такое. Они ничего не знают, ничего не понимают, они глупы, – она покосилась на девушку, внимательно и с интересом ее слушающую. – Ну, в общем, они не развиты, вот и все. Просто с самого рождения их не считают за людей. Их готовят только для работы. Они не люди.

– А кто же?

– Никто! Просто никто, понимаешь? – глаза голубоглазой красавицы сверкнули.

– Вот как? Но это же... плохо, – девушка отвлеклась от работы и задумалась вновь. Разве так бывает? И разве так правильно?

– Нет, слушай, ты и здесь долго не протянешь. Тебя опять высекут, и снова все забудешь, даже то, что я тебе рассказывала, – заворчала болтушка. – И знает откуда-то, что правильно, что не правильно, – она осекалась и внимательно посмотрела на девушку. – А что правильно?

– Я не знаю, – она пожала плечами.

– Знаешь, откуда-то знаешь, но... не помнишь, – брюнетка смотрела на нее с любопытством. – Но молчок!

– Почему?

– Работать надо! – воскликнула брюнетка. – Ладно, потом поговорим, – буркнула она и замолчала.

В столовую они отправились вместе. Черноволоска взяла ее под руку и доверительно зашептала ей на ухо.

– Главное, ни на кого не смотри, а то...

– Почему?

– Да потому! Посмотришь в глаза, и получишь на орехи.

– На орехи?

– Дуреха, изобьют тебя.

– Опять изобьют?

– Опять и снова. Всегда. Здесь бьют всех и постоянно.

– Но... зачем?

– Ой, святая простота! – девчонка даже руками всплеснула от возмущения. – Чтобы боялись, чтобы слушались, чтобы исполняли приказы, понятно?

– Но я и так все исполняю. И слушаться готова, если это разумно, – девушка удивленно смотрела на свою приобретенную подругу.

– Разумно? – глаза брюнетки расширились. – Ты сказала «разумно»? Ну ты даешь! Откуда ты такое-то слово знаешь?

– А ты не знаешь?

– Ну я-то, допустим, много чего знаю, у меня вообще два курса политеха за спиной, а вот тебе откуда такое словечко известно? Хотя, слышала, наверное, от кого-то. Пошли, нам еще очередь занимать.

И она потащила новую приятельницу под навес, где в длинный ряд выстроились мрачные хмурые люди в ожидании своей порции похлебки.

– Как тебя называют? – спохватилась вдруг черноволосая девушка. – Столько времени уже болтаем, а я даже не знаю твоего имени. Я – Таня, а вам обычно имен не дают, но ведь как-то надо вас звать, и придумывают простые, например, Лена, или Ира, или Юля. Или клички дают. Такие, чтобы легко и быстро позвать. У нас одна девочка есть, так ее Муркой зовут, – Таня было усмехнулась, но, тут же согнала улыбку с лица, глянув на девушку. Все равно что смеяться над ней.

– Я не знаю, – девушка удивленно посмотрела на новую подругу, попутно озираясь вокруг.

Они как раз вошли под темный навес, покрывающий довольно большую площадь с земляным полом. Сюда не проникали жаркие лучи солнца, было сумрачно и как-то неуютно. И люди здесь все какие-то... потерянные, несчастливые. И повара у огромной походной кухни не улыбающиеся. По очереди мрачно зачерпывают огромными черпаками дымящуюся жижу, равнодушно разливая в подставленные миски. Кругом печать уныния, и только Таня оживлена. А, нет, вон еще несколько девушек шушукаются, и даже улыбаются, но как-то не смело, не уверенно, тайком.

– Я не помню своего имени, – произнесла девушка. – Надо спросить у кого-нибудь. Только у кого? Не подскажешь?

– Ладно, спросишь у старшего смены вечером, когда сдавать работу будешь. Ты же должна быть записана у него, – и Таня внимательно посмотрела на девушку.

Они уже получили свою порцию странного супа сомнительного наполнения, и прошли к одному из столов, грубо сбитых из неструганых досок. Скамьи также не отличались качеством. Все было сделано наспех, неаккуратно и кое-как. Это даже покорило девушку.

– Спасибо за совет, – она осторожно присела, чтобы не занозиться.

Таня не сводила с нее удивленных глаз. По опыту она знала, что у рабов нет чувства осторожности, почти напроочь отсутствует рефлекс самосохранения. Им его просто отбивают.

– Надо же, «спасибо», – усмехнулась она. – Скажите пожалуйста, рабы какие нынче вежливые пошли. Ну ты точно странная.

– Я не знаю. Я такая, какая есть, – пожала плечами безымянная девушка.

Таня захлопала глазами и даже недоверчиво покачала головой. Вдруг она, глянув куда-то поверх головы безымянной подруги, напряглась и резко наклонилась над тарелкой. Словно неожиданно сильно проголодалась и решила суп просто выпить, не тратя время на долгую работу ложкой.

– Наклонись, живо! – скомандовала она почти грубо. – Не поднимай голову, прямо сейчас, слышишь? – потребовала она, и даже потянула девушку за рукав, при этом больно

ущипнув.

– А что такое? Что случилось? – девушка неуверенно подчинилась, но ее одолевало любопытство.

– Сиди и молчи, – почти не шевеля губами, потребовала Таня.

Девушка пригнула голову, как ей и велели, искоса огляделась. Почти все, кто сидели за столами, также опустили головы и ели медленно и тихо, не слышен был даже стук алюминиевых ложек о металлические миски. Мимо навеса, импровизированной столовой в полевых условиях, неспешно прогуливался красивый мужчина, брюнет с аристократическими чертами лица. Он словно кого-то выискивал среди обедающих, но так, не спешно, не срочно, а просто, чтобы поприятельски кивнуть и поприветствовать.

Девушка узнала его, и улыбнулась Тане.

– Я его знаю, – шепнула она подруге, но та, шикнув, незаметно для других показала кулак и с силой пнула под столом.

– Молчи, дуреха, если жизнь дорога, – прошипела она с таким выражением, что девушка почла за лучшее подчиниться и больше не высовываться.

Оказавшись в поле, принявшись за работу, девушка решила вернуться к интересующему ее вопросу.

– Таня, а почему на этого человека нельзя смотреть? – спросила она.

– Почему нельзя? – глаза девушки были серьезны. – Были, кто смотрел, и были они симпатичными, даже красотками,

вот в тебе что-то такое же есть. Так вот, все они мертвы.

– Как это? – удивилась девушка. – У него такое свойство что ли, он взглядом убивает?

Таня изумленно поглядела на нее.

– Слушай, ну у тебя и шутки, подруга... Нет, у него свойство мучить и убивать.

– Не может быть, – девушка округлила глаза. – А с виду такой... порядочный. Он красивый. Благородный.

– Смотри-ка, уж не влюбилась ли ты? – хохотнула Таня, но как-то нервно. – Слушай, а ты точно раба? – спросила она и потянулась к руке девушки.

Знак рожденного в рабстве никуда не пропал, тот же квадрат с цифрой в треугольнике.

– Не знаю, может, ты рождена от хозяина, и он тебя обучал? А потом ты ему надоела, или как-то сильно провинилась, и он тебя нам продал? – предположила брюнетка.

– Не знаю, – в очередной раз пожала плечами неизвестная. – Может, и так, и меня везли к вам, только я из поезда выпала.

– Как это из поезда? Ты и на поезде ехала? Это откуда же тебя перевозили? – Таня не на шутку взволновалась, и снова потянулась к руке с татуировкой.

– Я очнулась рядом с железнодорожным полотном. Я сначала подумала, что разгружала уголь, – улыбнулась девушка.

– Уголь? Почему?

– Не знаю, я была в фуфайке. И у меня все болело, и рядом

проносились поезда.

– Да, ты загадочная, – проговорила Таня. – Только, если мы не будем работать, нас просто прибудут, и твоя загадочность тебя не спасет. А может... как раз она и спасет... – проговорила она задумчиво.

Вечером они легли рядом на одну кровать. Смотрели на звезды, обнявшись, словно согревая друг друга душевным теплом.

– Знаешь, – обратилась Таня к подруге. – Ты завтра утром испачкай лицо землей.

– Зачем это?

– Это мой тебе дружеский совет. Не хочу потерять подругу, – мрачно сообщила Таня. – Просто сделай, как я сказала, и тогда, возможно, взгляд Генриха тебя не убьет, как других.

Совершенно неосознанно эта черноволосая девчонка почувствовала в своей новой подруге что-то такое, что притягивает к ней мужчин. А если еще они несут в себе зло, как хозяин этих проклятых плантаций, то это странное загадочное существо притянет и его. А так жалко потерять близкую душу, а Таня уже считала ее именно такой, поверив ей и практически влюбившись в ее сосредоточенный серьезный взгляд, задумчивые глаза и поразительно гармоничные черты лица, наполненные каким-то смыслом, одухотворенные и притягательные. Жаль, что вся ее жизнь пройдет на этом поле, и она обречена на долгую жизнь в неволе и мучительную

смерть. Но пусть лучше живет так, чем умрет.

Большой абсолютно круглый диск луны, белый, светящийся, словно внутри него включилась лампочка, заглянул в окно напротив кровати двух девушек, тесно прижавшихся друг к другу.

– Морей неведомых далеким пляжем идет луна, жена моя... – услышала Таня тихий голос девушки и пораженная приподнялась на локте.

– Слушай, а это еще откуда?

– Я не знаю.

– Ты ничего не знаешь, ничего не помнишь, а выдаешь такое... Я за один день знакомства с тобой уже устала удивляться.

– Красиво, правда? – улыбнулась девушка, ее глаза в темноте блестели, отражая свет луны.

– Нет, ты не можешь быть рабой, рожденной в рабстве. Ты слишком много знаешь для этого, – рассуждала Таня, снова улегшись на подушку. – Или у тебя все же был покровитель, который тебя всему обучил.

– Слушай, Таня, а ты знаешь, чьи это стихи? – оживилась вдруг девушка.

– Нет, не знаю. Я поэзией никогда не увлекалась.

– А чем ты тогда увлекалась?

– Ну, фэнтэзи любила читать. Знаешь, что это такое?

– Фэнтэзи? – девушка проговорила это слово, будто пробуя на вкус. – Нет, не знаю.

– Знаешь, конечно. Знаешь, но не помнишь. Теперь я в этом уверена, – заключила Таня. – Только вот что, – она снова приподняла голову и обратилась к подруге, – поменьше болтай со всеми, ладно? И никому не смотри в глаза – дольше проживешь.

– Хорошо, спасибо, – кивнула девушка, приобнимая подругу.

– Надо же, какая вежливая, опять «спасибо», – улыбнулась Таня и сладко зевнула.

– Приятных снов, – сказала ей девушка.

– И тебе, – произнесла ошарашенная голубоглазка.

Утро выдалось хмурое. Низкое небо затянули матово-белые облака, и тусклый глаз солнца едва угадывался сквозь их пелену. Какой-то серый свет лился на землю, мягкий ветер обволакивал, неся свежесть с гор. Девушка отчаянно зевала, ей ужасно хотелось спать.

Разбудил ее, как и всех ее соседок по бараку, стук железного прута о рельсу. Очень не хотелось раскрывать глаза, но Таня отчаянно трясла ее за плечи.

– Вставай сейчас же, – шептала она недовольно. – Чего разлеглась? Ты не на курорте. Нет, ну как ты так можешь-то, а? Совсем ведь без меня пропадешь. И как ты только дожиди до своих лет с такой любовью поспать!

Девушка распахнула голубые глаза и улыбнулась ей.

– Доброе утро, – сказала она.

– Когда это оно бывает добрым, – ворчала брюнетка, застегивая пуговицы на сарафане. – За восемь лет ни одного такого не было. Разлеглась тут. Кнута отведать хочешь?

– Нет, конечно, не хочу, – девушка резво вскочила с кровати и принялась одеваться, но на лице осталась загадочная улыбка, отзвук ночного сна.

Таня, поспешно заплетая косу, наблюдала за ней.

– Чего улыбаешься-то? Приснилось что ли что хорошее? – поинтересовалась она.

Она уже давно не видела никаких снов. Первый год после того как ее поймали и продали сюда, на плантации, ей каждую ночь снился родной дом и любимый парень из соседнего потока, а потом... все забылось, запылилось. За столько-то лет она успела примириться со своей участью. Человек ко всему привыкает.

– Да, приснилось, и очень хорошее, – девушка потянулась, выгибая спину, и столько было в ней грации, что Таня засмотрелась на нее.

Ее удивили крепкие мышцы на руках и крепкий пресс таинственной незнакомки. Откуда все это? Нет, она не простая рабыня, у нее есть какая-то тайна, о которой она сама, к сожалению, не помнит... если не врет... Хотя, нет, у нее очень честные глаза. Такой человек не может врать и изворачиваться.

– Ну так расскажи, – добровольная покровительница потащила девушку к выходу, где столпились все их соседки и

дежурный пересчитывал их, сверяясь со списком. Та на ходу застегивала пуговицы серой застиранной блузки с чужого плеча.

– Это сложно объяснить, – девушка задумалась. – Мне приснилось лицо...

– Ну чего молчишь-то? – толкнула ее в бок товарка после долгих минут молчания. – Скоро на поле уж придем, а ты все в облаках витаешь...

Они поднимались по узкой протоптанной тысячами пар ног тропе на вершину склона тонкой вереницей.

– Если бы я умела рисовать, я бы его нарисовала для тебя, – сказала девушка.

– А ты не умеешь рисовать? – Таня тихо рассмеялась, чтобы не привлекать к себе внимания. – Мне казалось, что ты умеешь все.

– Понимаешь, это такое лицо... очень красивое. Такое гордое, правильное, такие глубокие глаза... кажется, серые, но это было видно не четко. Длинные волосы. Такие красивые, их еще ветер развевал.

– Так это женское лицо, раз волосы длинные.

– Нет мужское. Очень сильный мужчина.

– Как ты это поняла? Если только одно лицо видела.

– Я не могу объяснить, но это очень удивительный человек, в его посадке головы, во взгляде, во всех чертах просматривается такая сила, гордая и неукротимая, что дух захватывает, и глаз не оторвать.

– Ну ты даешь! – только и произнесла удивленная Татьяна. – Это надо же так описать. И надо же такое увидеть! Тебе это приснилось? Ты его раньше видела?

– Не знаю, – был ответ, как всегда лаконичный и конкретный.

– А что-нибудь еще видела? – Тане было интересно. Она словно читала интересную книгу, слушая эту незнакомую девушку. В ее жизни так давно не было ничего красивого.

– Кажется... не помню... как будто... ощущение такое, будто это осень.

– Почему осень? Опять осень?

– Да, может быть, поэтому и приснилось так, потому что накануне я об этом долго думала, словно пытаюсь что-то вспомнить...

– Если ты помнишь осень, значит ты не вечно жила на юге. Где же ты была? Кто же ты?

– Там много желтого, багряного, золотого... и голуби. Я как бы и не видела их, а слышала их воркование. Ну знаешь, как они переговариваются между собой?

Таня только кивнула, раскрыв рот.

– И шуршание листьев слышала. И легкий шум ветра. Будто одежда на ветру трепещет. И волосы у него развевались. Красиво. И лицо красивое, и ощущения красивые. Замечательный сон. Как жаль, что короткий, – девушка вздохнула.

– Пойдем, подойдем к дежурному, может, он скажет, как

тебя называют, — Таня потащила подругу за собой к мужчине, который шел впереди толпы, недавно всех пересчитавший в долине.

Девушки и женщины уже расходились по полю, занимая свои грядки, закрепленные за ними. Им предстоял длинный день, нудная изнурительная работа и тоскливое ожидание вечера, когда все закончится и можно будет забыться коротким тревожным сном.

А Татьяне так хотелось увидеть это красивое лицо. И вспомнить осень. Она так ее не ценила. Все время было некогда остановиться и рассмотреть мир вокруг себя. Стоило все это потерять, чтобы сейчас, находясь на другом конце страны, без прав и без будущего, слушать о красоте мира от девушки, рожденной в рабстве.

Дежурный хмуро смотрел на приближающихся к нему девушек.

— Чего надо? — грубо спросил он.

— Махмуд, — обратилась к нему Татьяна. — Скажи, у этой девушки есть какое-нибудь имя? — и она указала на молчаливую блондинку.

Махмуд прошелся тяжелым взглядом по лицу девушки, сплюнул в сторону и вновь уставился на Татьяну.

— А тебе какое дело?

— Ну, надо же ей знать, как ее зовут. И мне надо к ней как-то обращаться.

Он протянул руку, в которой был зажат кнут, и его кон-

цом поднял лицо девушки за подбородок. Та невольно поморщилась и отодвинула голову, отталкивая кнут. Мужчина неприятно оскалился.

– Строптивая, – процедил он. – Быть тебе битой. Уж Генрих позаботится.

– Так как на счет имени? – напомнила о себе Татьяна, с беспокойством глядя на мужчину. Чего это он так себя ведет? Ох, не стоило к нему подводить эту странную мечтательницу и лишний раз привлекать к ней внимание.

– Никак. У меня она стоит под номером семь, – бросил Махмуд, и замахнулся. – А ну пошли работать, твари.

Таня почла за лучшее тут же исчезнуть с его глаз долой.

– Семь, как же, – бурчала она, не выпуская руку девушки. – Звать тебя, что ли, Семеркой?

Спину нещадно ломило, сказывалась вчерашняя нагрузка. Не будучи привычной к долгому сидению на корточках, девушка страдала, не смея подняться, чтобы прогнуться в пояснице и хоть немного ослабить боль. Танины предупреждения о скором и быстром наказании возымели свое действие, и девушка предпочла встать на колени, чем немного облегчила свое положение. Правда, часа через три в такой позе колени были содраны в кровь.

Она видела, как несколько человек получили свою порцию наказания, слышала свист кнута, грубую ругань зрителей, и скрипела зубами, не понимая, зачем это делать. Вряд ли на этом поле есть хоть кто-то, кто намеренно замед-

лял работу. Она видела слезы, стертые украдкой грязными ладонями, гримасу боли и слышала невольные вскрики. Боже, зачем же так?

Ближе к полудню на поле снова появился хозяин плантации. Одетый во все белое, он шел так, словно гарцевал на ретивом скакуне, лицо его светилось каким-то внутренним светом, и девушка, заметив его издалека, засмотрелась на высокого рослого человека, уверенного и такого красивого. Конечно, его нельзя сравнивать с тем мужчиной из ее сна, но все же, по-своему, он тоже красив, также горд, разве что... в его лице есть что-то неуловимо опасное. Теперь она это чувствовала.

– Видишь его? – спросила тихо Таня, из-под ресниц наблюдая за ним. – У, гад, чтоб он сдох! – проговорила она с таким чувством, что ее соседка по грядке замерла, в удивлении уставившись на нее.

– Опустит голову, – проговорила тихо Таня. – Не забывай: он появляется – ты исчезаешь.

И словно в подтверждение сказанных слов об опасности данного человека, девушка стала свидетелем ужасной сцены.

Генрих подошел к одному из дежурных, приведших группу женщин из соседнего барака, и что-то зашептал ему на ухо, указывая пальцем вытянутой руки в сторону какой-то склоненной фигуры, одной из его подопечных. Дежурный с хищным блеском в глазах посмотрел в том направлении, и девушка, которая привлекла их внимание, сжалась, поблед-

нев и замерев на месте. Дежурный дал знак своим помощникам, и те направились к девушке, которую указал им хозяин. Как только ее подняли под руки, грубо, рывком, она запричитала, заголосила, о чем-то умоляя их, пока ее тащили через все грядки в сторону хозяйского дома. Но ее просьбы были тщетны. Никто не собирался ей помогать, никто не мог отменить приказ хозяина.

Он хозяин плантации, он хозяин всех этих женщин. Он заплатил за их жизни деньги, они в его воле, в его руках, в его власти.

За большим домом, скорее даже, усадьбой, располагались конюшни, сараи и, как подозревали многие, шепотом передавая эту информацию друг другу вечерами в своих бараках, подвал для пыток в одном из служебных помещений хозблока.

Генрих с отстраненной улыбкой наблюдал за этой драмой, словно любовался забавной игрой ребятишек. Как только он повернул голову в сторону поля, все, как по команде, вновь склонили головы к земле.

Семерка молча наблюдала всю эту сцену, без единого выражения на лице, и лишь широко распахнутые глаза выдавали ее волнение. Неожиданно для Тани она зачерпнула рукой горсть земли, и стала водить ею по своему лицу, вымазывая себя с остервенением, говорившем об истинных ее чувствах. Обе не заметили, что Генрих орлиным взором наблюдал этот всплеск эмоций, и ироничная улыбка расплза-

лась по его жестокому лицу. Что-то напевая себе под нос, нисколько не страдая от отсутствия солнечного света, он направился вслед за девушкой, крики которой доносились издалека словно писк странной птицы.

ГЛАВА 3

Пролетело несколько дней, серых и безрадостных, лишенных каких-либо событий, но девушку радовало хотя бы то, что Генрих больше не появлялся в поле и больше никого не забирал.

Какое-то томление не оставляло ее, но дать ему название и понять причину его возникновения она не могла. Что-то не так в этом мире, что-то не так с этим небом, что-то не правильно в ее жизни, но что? Где ее мать? Где она раньше работала? Кому принадлежала? А надо ли ей это знать? Разве сейчас ей плохо? Ее не бьют, у нее даже появился близкий человек – Таня, красивая, добрая, хорошая. А кто был раньше рядом с ней? Может быть, все было настолько плохо, что она даже не может это вспомнить? А Генрих – знает ли он что-то о ней? Ведь у кого-то он ее купил. Откуда-то ее везли...

Однажды после ужина девушка решила пойти одна, в наступающих сумерках, под стрекот цикад. Природа замерла, духота и парение говорили о приближающейся грозе, и Семерка вдруг испытала прилив сил, даже какую-то радость. Будет гроза? Наверное, это здорово, иначе чего бы ей так радоваться этому.

«Лететь по ветру кувыркаясь, качаясь, прыгая и плача с дождем дуэтом...» Что это? Откуда эти строки? Почему она

вдруг вспоминает какие-то стихи? Кто ее обучил этому?

Девушка подняла глаза, рассматривая вдали горы, величественные и равнодушные ко всему земному. Их красота и холодность тронули ее до слез. Она смотрела на их снежные шапки, теряющие четкость очертаний в душном мареве, окрашенные в этот час в розовые оттенки заходящего солнца, и не понимала, откуда на глазах появились слезы. Почему? Что в этом такого? Или все, кто смотрит на горы, испытывают в такие моменты необъяснимую тоску по чему-то неведомому? Ближайший склон, покрытый низким кустарником, таких эмоций у нее не вызывал.

Впереди замаячила высокая фигура. Мужчина шел навстречу Семерке, неспешно и вальяжно. Еще не видя его лица, девушка по манерам поняла, что это Генрих. Что он здесь делает в такой час? Обычно, в это время, как девушка слышала, он проводит время с родственниками и друзьями в своей усадьбе. Что ему понадобилось на этой узкой тропе между крутых склонов, вблизи барачков, таких неприглядных, таких грязных и запущенных?

Семерка остановилась, не решаясь продолжить путь, а Генрих, наоборот, заметив ее, приветливо помахал рукой и ускорил шаг, стремительно сокращая расстояние между ними.

– Рад тебя видеть, – улыбнулся мужчина, поравнявшись со своей рабыней.

Не переставая улыбаться, он вдохнул пьянящий запах тра-

вы и листья, росшей по одной стороне тропинки, ведущий в лагерь, расположенный в низине.

Девушка вежливо кивнула, опустив глаза и стараясь не смотреть на него. Сердце учащенно забилося.

– Как твои дела? – Генрих приблизился к девушке вплотную, заглядывая в ее огромные от страха глаза. – Я смотрю, ты плакала? – он вдруг протянул руку и пальцами стер ей слезы. – Не плачь, не надо. Все будет хорошо. У кого-то обязательно все будет хорошо, – сказал он, сверкнув глазами из-под темных бровей.

– Я хотела бы, чтобы хорошо было у меня, – произнесла девушка.

– А разве у тебя что-то плохо? – мужчина поднял брови, изобразив удивление. – Насколько мне известно, с тобой обращаются довольно неплохо. Для рабы, рожденной в неволе – это уже отличные условия. Ты чем-то недовольна?

– Нет, что Вы, я довольна, – прошелестела девушка, не поднимая глаз. – Но почему мне так хочется улететь отсюда? Здесь так красиво, но я понимаю, что это не мое.

Генрих внимательно посмотрел на говорившую.

– Разумеется, это не твое. Раньше ты работала в таком месте, где света божьего не было видно, понимаешь? Тебе разрешено видеть эту красоту и великолепие природы, но ты никогда раньше с таким не сталкивалась. Я не удивлен, что ты не можешь к этому привыкнуть.

– А где я раньше жила? Каким был мой хозяин? Моя мать

осталась там? Она жива? – девушка вдруг решила, что Генрих может что-то знать о ее прошлой жизни. Может быть, он прольет немного света на ее прошлое?

– Почему ты решила, что я интересуюсь прошлым своих рабов? – холодно произнес мужчина.

Семерка поняла, что вопросы ему не понравились. Она потеряла бдительность, переступив черту. Он хозяин, а она никто, и не имеет права приставать к нему с расспросами.

– Простите меня, – прошептала она, склонив голову.

Генрих насмешливо улыбнулся, протянул руку, и за подбородок поднял лицо девушки.

– Пойми, я рад бы был тебе помочь, но я мало что знаю о том, что с тобой было прежде. Я не был там, где тебя купил, переговоры велись на расстоянии, через посредников. Так всегда происходит. К тому же, покупку рабочей силы не сопровождают личными документами и сведениями о персональных данных. И их родословная не прилагается, это же не породистые щенки, понимаешь?

– Нет.

– Конечно, нет, – он покачал головой, не сводя с нее снисходительного взгляда. – Ничего удивительного, – он пожал плечами. – Просто я не знаю, кто ты, и ты не знаешь кто ты. Так что можешь быть кем хочешь. Ага? – он ей подмигнул.

Девушка подняла глаза на мужчину, и в них зажегся какой-то неведомый свет, от сияния которого мужчину прошиб холодный пот. Он с трудом сдержался, чтобы не набро-

ситься на нее, не сдавить ее трепетное тело в жестких объятиях, не сжать свои пальцы на нежной шее. Еще не время, надо подождать. Надо как следует разогреться. Еще пара недель, и тогда можно будет насладиться этой прелестью. Он облизнул вмиг пересохшие губы, стараясь дышать медленнее и тише, чтобы утихомирить разбушевавшееся сердце, и резко отвернулся, чтобы девушка не заметила то, что с ним сейчас происходит.

– Какая вокруг красота, ты не находишь? – спросил, не оборачиваясь.

Засунув руки в карманы белых брюк, поднял голову, рассматривая темнеющее небо, на котором лишь вдалеке прощальными алыми всполохами лучи солнца коснулись облаков. За горизонтом на мгновение край неба осветила яркая вспышка. Через мгновение издалека донесся шум, раскатом пронесся над их головами и бухнул со всей силы буквально над ними, рассыпавшись на осколки.

Девушка улыбнулась, даже, кажется, рассмеялась.

– Что, тебе совсем не страшно? – обернулся к ней хозяин.

– Нет, ни капли. Это так красиво, так фантастично! – она подняла голову, зажмурилась, чувствуя на лице ветер, прилетевший с первым ударом грома.

Похолодало и мгновенно потемнело. Мужчина не сводил глаз с девушки. Она выглядела так необычно, была так прекрасна, что он поймал себя на мысли, что готов снять пиджак и набросить ей на плечи. А еще – читать ей Байрона. Черт

подери, девчонка необыкновенна! Она изумительно хороша! О, как страстно он будет читать ей стихи, когда захлебываясь клокочущей в горле кровью, она будет кричать. О, он не сомневается, что она оценит и глубину произведения, и красоту стиха, и мастерство его декламации. Уж кто-кто, а она вполне способна это оценить. Он сглотнул, заставляя себя отогнать такую манящую картину. Еще не время.

– Тебе пора, – произнес он глухо. – Сейчас начнется дождь, да и опасно гулять в грозу. Иди, тебе надо выспаться.

Очередная вспышка осветила странное существо невдалеке. Не поняв, что это такое, девушка вскрикнула от неожиданности и непроизвольно сделала шаг ближе к Генриху.

– Там кто-то есть, – она указала пальцем в сторону темной бесформенной фигуры. Следующая вспышка позволила Генриху узнать своего племянника.

– Это Гай, не пугайся, – он расхохотался. – Он в любом случае не причинит тебе вреда, если ты, конечно, не будешь к нему приближаться.

Девушка пристально вглядывалась в темноту, и смогла, наконец, разглядеть молодого человека в инвалидном кресле. Черты лица читались смутно, взъерошенные длинные волосы торчали иглами растрепанного дикобраза во все стороны, блестели цепочки на запястьях, хромированные обода колес и белки глаз.

– Что ты там делаешь? – услышала девушка его сердитый голос.

– Я наслаждаюсь грозой, а что ты здесь забыл? – ответил хозяин плантации.

– Меня послали за тобой. Эльвира ждет тебя на партию в покер, а Максуд жаждет с тобой о чем-то посекретничать за кальяном.

– Ну конечно, и больше некого было послать за мной? Только безногого? – Генрих расхохотался.

– Я люблю грозу, и не боюсь, – проворчал Гай. – Ты идешь? – спросил он требовательно.

– Конечно, Гай, конечно.

Генрих взял девушку за плечо и подтолкнул вниз по тропинке.

– Беги, тебе пора отдыхать. Скоро увидимся, моя дорогая, – почти прошептал он и направился к родственнику, ожидающему выше по склону.

– Какая-то ты сегодня странная, – прошептала Татьяна, все утро наблюдавшая за подругой. Она работала довольно быстро, чтобы находиться все время рядом со своей подругой, которая непрестанно вызывала ее живой интерес. А Тане нравилось заботиться, опекать, шествовать.

– Странная? – Семерка не прекращала прополку. У нее стало получаться вполне споро и аккуратно. – Не знаю. Вряд ли... Вовсе нет, – она даже помотала головой.

– Да, с одной стороны, та права. Называть странную девушку особенно странной – это смешно, – Таня хихикнула. –

Но вот честно, слушай, сегодня ты особенно странная, – ее глаза лучились весельем.

Эта девушка научилась жить в данных обстоятельствах, смирилась с такими условиями. Ее слезы в подушку и проклятья в адрес неба остались далеко позади. Она приняла тот факт, что жизнь поделилась на «до» и «после», и выглядела необычно в этой среде, на фоне хмурых, подавленных женщин. Она черпала силы в своей врожденной жизнерадостности, которую ничто так и не поколебало, лишь на время подавив страшным откровением о том, что ее жизнь закончится здесь. Подавив, но не раздавив.

В основном, здесь были те, кого украли из их мирной нормальной жизни, и в отличие от тех, кто был рожден в неволе, им было, что терять там, в другой жизни, и воспоминания мешали свыкнуться и смириться с ужасной действительностью. Безысходность и отчаяние, невозможность поверить в происходящее и уверенность, что этот кошмар обязательно когда-то закончится, изводили всех, кто здесь находился. Мысль, что это могло случиться с кем угодно, но только не с ними, заставляла сердце обливаться кровью. Все-таки это случилось именно с ними, с каждой из присутствующих здесь, уже безликих существ. Им оставалось только похоронить свои воспоминания и никогда не загадывать на будущее, чтобы боль, наконец, могла притупиться. Но мысли о мужьях, детях, родителях никогда не покидали их, делая существование невыносимым. Только страх перед наказанием

заставлял прятать душевные страдания и отчаяние глубоко внутри, что прорывалось наружу через тусклый взгляд потерянных глаз, не находящий покоя и отдохновения от душевных мук и терзаний.

– Так в чем дело? – Таня не отставала от девушки. – Скажешь мне, или придется тебя пытаться? – она прищурила глаза.

– Пытать? – Семерка напряглась и странно посмотрела на болтушку. У той сразу слетела улыбка с хорошенького личика.

– Тьфу ты, – сплюнула она, – ну чего ты, в самом деле! Это же шутка такая.

– Шутка? А с той девушкой, которую утащили в подвал к хозяину, тоже пошутили? – Семерка все больше мрачнела.

– Так ты из-за этого такая хмурая и задумчивая? Да? Ты вчера вернулась очень молчаливая. Где ты была? Куда ходила?

– Я видела одного человека...

– Так я и думала! Тебе кто-то понравился, да? Ты влюбилась? – Тане не хватило терпения дослушать подругу до конца, и она сразу же сделала свой вывод. – Только имей в виду, любовь охранников не освободит тебя от необходимости работать в поле, понимаешь? Максимум, на что ты можешь рассчитывать, что тебя точно перестанут бить, и только. И то только до тех пор, пока ты не надоешь. А я думаю...

– А я думаю, что влюбиться здесь не в кого, – перебила ее девушка. – Да и что такое любовь... – она задумалась, непро-

извольню остановив работу.

– Ну вот ты какая. «Ну что за любовь». Ну скажи, что ты можешь знать о любви? – бубнила рядом Татьяна. – Работай, давай, нечего рассиживаться, а то на нас уже поглядывает Махмуд. Полюбит так, что мало не покажется. Кстати, – она резко остановилась и уставилась подруге в глаза. – Махмуд – садист, избегай его. Он не только бить не перестанет на работе, но и вечером тоже не пожалеет для тебя и кулаков, и плетки, понятно? В кровати, – многозначительно произнесла она. – Слышала от очевидцев.

– Махмуд меня не пугает, – проговорила Семерка. – Пусть только сунется.

– И что ты сделаешь? – не поверила ей Таня. – Утопишь в слезах? Перешибешь плевком? Раздавишь презрением?

– Не знаю, как пойдет, там видно будет, – совершенно серьезно ответила девушка.

Татьяна не могла скрыть восхищение.

– Ну ты, девка, даешь, – проговорила она. – Ты такая... крутая! Слушай, а может быть, ты находилась в школе боевых рабов, и тебя обучали убивать ради хозяина? – она первая засмеялась над своей шуткой. – Ты умеешь драться? Знаешь приемы?

– Ну какие приемы, о чем ты говоришь, – Семерка уже работала, опустив голову. – Я просто знаю... знаю... что себя нельзя давать в обиду, понимаешь?

– Я бы поняла это, если об этом говорил кто-то другой,

а не ты, – пробормотала девушка, задумчиво поглядывая на Семерку. – Нет, ты странная.

– А кто он? – задала странный вопрос Семерка. – Можешь мне сказать про кое-кого?

– О ком ты? Ах, да, ты же кого-то встретила! И это не любовь всей твоей жизни, – Таня не удержалась от смешка. – Так о ком речь?

– О Гае, – Семерка вспомнила, наконец, как зовут того юношу в инвалидной коляске.

– О ком? – Татьяна на мгновение онемела. – Час от часу не легче! Где ты его видела? Где ты вообще могла с ним встретиться?

Новое открытие повергло ее в священный ужас.

– Слушай, Семерочка, так ты ходила в усадьбу? Зачем? Какая ты неосторожная...

– Нет, я никуда не ходила. Ко мне пришел Генрих, а потом я увидела Гая.

– К-кто к тебе п-пришел? – Таня стала заикаться. – Генрих? К тебе?

– Я думаю, что Генрих пришел ко мне. Он шел из кустов, а не со стороны наших барачков, словно поджидал там. Что ему там было делать? Возможно, он хотел поговорить со мной.

– Ну ты даешь. От скромности точно не умрешь, – Таня во все глаза смотрела на подругу, и не знала, смеяться ей, или начинать за нее опасаться. – Повторю еще раз: хочешь жить – прячься от него.

– Мне надо было убежать, повстречав его на узкой тропе в кустарнике?

– Да! Бежать со всех ног, надеясь, что он тебя не разглядел и не запомнил.

– Но он разглядел, и давно запомнил. Он первым встретил меня в мой приезд сюда, и накормил обедом.

– Что? Обедом? Да ты не странная, ты – ненормальная! И ужасно несчастливая. Ну точно, блин, в следующий раз придут за тобой, – Таня чуть не разрыдалась. Она уже представила эту картину в красках и принялась оплакивать и свою несчастливую подругу, и такую короткую дружбу.

– Он интересный, – не согласилась с подругой Семерка. – Опасный, это так, но... жутко притягательный. В нем что-то такое есть... что не дает мне покоя. Не знаю, как сказать, но такой тип притягивает, понимаешь?

Семерка посмотрела на подругу в надежде, что та поймет все, на что у нее самой не хватило слов. Экспрессию и загадочность красивого брюнета, его харизму и магнетизм, изящность и ум. Он привлекал к себе, манил, он сильно интересовал Семерку, и она не могла разобраться в своих чувствах. Возможно, они могли бы стать друзьями. Быть может, у него она нашла бы какие-то ответы на свои вопросы. Зачем она здесь, что она, для чего живет? Ну не может он не знать такого.

– Гай не лучше своего дядюшки, – говорила тем временем Татьяна, чтобы как-то отвлечься от мрачной картины бли-

жайшего будущего, уготованного ее несчастной подруге. – Про него страшные слухи ходят. Он выбирает себе служанку, а потом она попадает в лазарет, и через какое-то время он ищет новую. Он любит бить и калечить женщин. Издевается, оскорбляет, понимаешь? И часто они бесследно пропадают.

– Да как же он может их бить, когда он инвалид, – не поверила Семерка. – Это все придумывают и сочиняют, чтобы как-то скоротать вечер.

– Не знаю, не знаю, а только к нему никто не хочет идти. Все хотят жить, понимаешь? Все они тут страшные люди.

– Но почему?

– Да потому что нелюди!

– А мне его жаль. Человек прикован к креслу, когда вокруг такая красота. Это словно тигр в клетке. Это тяжело. И не удивительно, что он может срываться. Он просто страдает.

Таня во все глаза смотрела на девушку и ничего не понимала. Она точно раба? Татуировка указывала на это, но вот сама девушка демонстрировала совершенно противоположное. Она была кем угодно в той своей беспамятной жизни, и борцом за права человека, и поэтессой, и художницей, но только не рабыней.

– Ладно, давай работать, – пробормотала она, с трудом отводя взгляд от красивой девушки. – А то заметят – не обрадуешься.

Их заметили. Махмуд со злобно сверкающими глазами

неся на них, занеся руку с плеткой для удара. Замахнулся еще сильнее, подскочив к девушкам, и обрушил со всей силы хлыст, рассекая воздух, только все его усилия пропали даром. Семерка вдруг извернулась и схватила длинный кнут рукой. Глаза ее при этом сверкали едва ли не ярче, чум у разъяренного мужчины. Тот со злостью потянул хлыст, но девушка не отпускала его. И все это происходило в абсолютной тишине.

Таня сидела на корточках, раскрыв рот и не смея произнести ни звука, но не могла поверить в то, что увидела. А все вокруг уткнулись в свои грядки, словно эта ситуация их совершенно не касалась.

Поймать хлыст – это же надо иметь такую реакцию, такую силу и такое... безумие! Все, теперь Семерочка точно пропала. Нажить врага в первые месяцы пребывания в лагере – это не к добру. Это к побоям и скорой смерти. Строптивым здесь не выжить. Будут обламывать, пока есть надежда, ведь в рабов все же вложены деньги, и задаром портить свой товар хозяин не намерен, но если невозможно подчинить себе, а такие случаи происходили время от времени, и сторожили это помнят, то тут все, только попрощаться с гордичкой и оплакивать ее безвременную кончину.

* * *

Бертуччо отлетел в другой конец комнаты. Он сам не ожи-

дал такого удара. Ошарашенный, полулежал, опираясь на локти, свезенные о ковер, и во все глаза глядел на брата. А Арсений едва сдерживал гнев, не отрывая мрачного взгляда от кровавых губ друга.

– Арс, ну чего ты, ну прости, – прошептал Берт, кулаком вытирая кровь. Невольно покривился от боли: все же здорово Арс ему въехал. И голова гудит как колокол. Черт!

– Еще раз заикнешься про бордель – я тебя сотру с лица земли, – прорычал Арсений.

– Я понял, не дурак. Стоило так стараться. Я и с первого раза все могу усвоить и понять, – проворчал поверженный Берт, пытаясь подняться с пола. Он заискивающе посмотрел снизу-вверх на брата, надеясь на помощь, но Арсений проигнорировал его немую просьбу, и Бертуччо с кряхтением поднялся сам, упершись в колени. – Твою мать, Арс, я же о тебе беспоко...

– На черта обо мне беспокоиться, – закричал Арсений, перебивая друга, – я тебя об этом не просил!

– Проклятье! Арс, ты скоро на простых людей кидаться будешь! Просто так! Ты это понимаешь?

– Так помоги мне.

– Как? Связать тебя? Приковать цепями в подвале? Или пристегивать наручниками к кровати? О, точно, пригласим какую-нибудь красотку с пушистыми розовыми наручниками, и она тебя кааак...

– Заткнись! Я тебя прибую, прямо сейчас, – Арсений по-

что шептал, но взгляд его был полон решимости, и Бертуччо невольно испугался, что перегнул палку.

– Ты так реагируешь, потому что понимаешь, что я прав, и тебе хреново без женщины.

Арсений побледнел, заиграл желваками, но смолчал.

– Видишь, я прав, и поэтому ты молчишь, – тихо проговорил Берт.

– Конечно, ты прав, – прошептал Арсений, отводя взгляд. – Но если ты продолжишь эту тему, я тебя урою, это тебе понятно? По ходу, нет.

– Все, закрыли тему, – вздохнул Берт, убирая с лица волосы. – В этом чертовом доме есть чертово пиво?

– Поищи, может, тебе повезет, – Арсений уселся в кресло, демонстративно не глядя на своего друга.

Бертуччо вышел из зала, через некоторое время послышалось звяканье бутылок – он вполне успешно проводил инвентаризацию содержимого холодильника.

Арсений устало провел рукой по лицу. Костяшки пальцев саднило от удара. Да, каково же тогда пришлось Бертуччо. Но Арсу не было его жалко. В данный момент он тосковал и жалел себя.

Прошло почти два месяца, как он потерял свою жену, и кроме тоски по ней, невыносимого одиночества и изводящей тревоги за ее безопасность, его стала одолевать другая тоска. Тоска по женщине. Да, он никогда не был монахом, и многое позволял в те времена, когда принадлежал одному себе. Но с

тех пор, как он познал любовь своей девушки, многое изменилось. Бурная личная жизнь и постоянный секс с той, что сводила с ума и пробуждала голод буквально через минуту после его стопроцентного утоления, приучили его к постоянной непреходящей эйфории, как физической, так и психологической. И сейчас до сердечной боли не хватало ни того, ни другого.

Наверное, про такое состояние говорят, что человек готов лезть на стенку. Арсений с тоской посмотрел на ближайшую стену, на дорогие обои, так удачно оттеняющие общий интерьер модно обставленной комнаты. Однажды он здорово здесь все попортил, круша мебель от известия, что Света от него ушла. Как раз из-за измены. Больше он так поступить не может.

Не может! Ну не может, и все! И это не глупость, и даже не совесть. Это... верность. Да, ему просто страшно оступиться и сделать что-то, что вызвало бы ее презрение. Пусть Света никогда об этом и не узнает, но он-то будет знать, что совершил нечто такое, за что она перестала бы его уважать. О, он испытал на своей дубленой битой шкуре, каково это – потерять доверие одной единственной, и потом мучительно долго и с огромным трудом по крупицам его восстанавливать.

И сможет ли он уважать себя, если сделает что-то, за что уважать его не сможет даже Берт?

Нет, главное – сосредоточиться на поиске Светланы. Ориентировки уже разосланы во все отделения Рыцарского ор-

дена для проведения официального розыска.

Арсений тогда долго искал хоть какую-то фотографию жены. Она не любила фотографироваться, и в их совместной жизни не было сделано ни одного фото. Они нашлись у ее отца, но со сроком давности. Арсений тогда не мог внятно говорить, и Берт практически все сделал сам. Отвечал на вопросы Рыцарей, сообщал обстоятельства исчезновения, его предполагаемые причины, приметы пропавшей. Арсений лишь покосился в его сторону, когда брат сообщил о родимом пятне внизу живота на теле пропавшей девушки, но сил на какие-либо чувства и эмоции у него в тот момент не было. Да и какая разница. Чего теперь стоят эти препирательства, если самого предмета спора, этого извечного яблока раздора двух мужчин просто нет. Боже, где она?

Губернатор, узнав о случившемся, пообещал со своей стороны помощь, содействие и финансы. Обещал сделать все, от него зависящее. Недавно из-за границы, из закрытой лечебницы вернулась его дочь, повзрослевшая раньше времени, познавшая боль и унижение, потерявшая часть той непосредственности и доверчивости, которые раньше так отличали ее от сверстниц, делая очаровательной и неотразимой. Но она дома, за нее отомстили, и глава города был полон решимости помочь человеку, вступившемуся за честь его семьи. О том, чего стоило это Арсению Луговому в свое время, губернатор не знал.

С его подачи на телевидении в новостях постоянно кру-

тился сюжет о пропавшей девушке, фото, сведения, данные.

Арсений нанял частных сыщиков и детективов, пообещав озолотить в случае бесценной находки. Но время шло, а ничего не менялось. Люди прочесывали город за городом, выведывали, вынюхивали, шерстили и просчитывали тысячи людей, но до сих пор так и не смогли напасть на след Светланы.

Была объявлена баснословная награда тому, кто сможет сообщить хоть что-то о местоположении пропавшей девушки. Но как ни высока была обещанная сумма, не было человека, которому хоть что-то было известно. Между тем выяснилось, что город и область наводнены ненормальными людьми, психически не уравновешенными, или довольно глупыми и легкомысленными придурками, которые по разным причинам сообщали совершенно противоречивые ложные сведения, только путающие поисковиков и вызывающие гнев и бешенство Арсения.

Психов он не трогал, но умникам, решившим нагреться на его несчастье, делалось недвусмысленное внушение, после чего вынужденные задуматься люди отправлялись в ближайшие госпитали, чтобы в тишине под наблюдением врачей предаться размышлениям на заданную тему и произвести переоценку ценностей в своей жизни.

Не может быть, что никто ничего не видел и не знал. Ведь должно быть хоть что-то, какой-то след, какое-то действие. Его отсутствие возможно только в одном случае – если Све-

ты уже нет на этом свете.

Арсений похолодел при этой мысли, и снова его прошиб холодный пот. Нет, это не так, этого не может быть. Он по-прежнему чувствует, что она жива. Какая-то едва уловимая связь, чуть пульсирующая жилка, связывающая его со своей любимой, бьется в унисон с его сердцем, слабо, едва ощутимо, но бьется. Нет, он бы понял, он бы сразу почувствовал, если бы произошло непоправимое.

Прикрыв глаза, он тихо выдохнул воздух. Боже, сколько еще он может быть на пределе своих физических сил? Сколько он еще может сдерживать свое отчаяние? Когда он выберется из этой бездны одиночества и страха за ее судьбу? Сколько он еще протянет в таком состоянии? Неужели никто не может ему помочь? Никто не может напасть на ее след?

В таком случае, где ее держат и для чего? Если второй месяц не подадут никаких вестей, то мысль о выкупе отпадает. Тогда в чем может быть дело?

Арсений замер, вцепившись руками в подлокотники кресла, и напрягся. Разве только... разве только ее оставили для себя, и не собираются ему возвращать. Никогда. Боже, это невыносимо!

Самое тяжелое, если отбросить на время собственные переживания и страдания, это смотреть в глаза ее отцу. Этот молчаливый человек, мудрый и добрый, конечно, все понимает, но от этого не становится легче. И каждый раз, встречаясь с ним, Арсений чувствует этот невысказанный вслух

упрек: «не уберег». Нет, Владимир Черемухин ни разу ни в чем его не обвинил, да и что тут можно сказать, где и, главное, для чего искать виноватых, но боль за дочь так явно читается в его глазах, лежит печатью безысходности на его лице, вмиг постаревшем и осунувшемся. И каждый раз, возвращаясь со встречи со своим тестем, Арсений рычал, бегая по комнате в бессильной ярости, круша невидимых врагов, и не имея возможности сделать это в реальности.

Мать же ее изводила его постоянно. Она звонила и рыдала в трубку, обвиняла его во всех смертных грехах, обзывала и кляла. Хотелось заметить ей, что в прежние времена она не обременяла себя обязанностью заботиться о дочери, в то время как сейчас готова показывать всему миру свою материнскую любовь, но Арсений молчал, сдерживаясь и мысленно чертыхаясь всякий раз, когда по неосторожности сам снимал телефонную трубку и слышал дребезжащий голос, до смерти его раздражающий.

Сказать в ответ ему было нечего. От нее он не слышал ничего нового, в чем бы сам уже не обвинил себя тысячу раз. К делу это не относилось, пользы от этого не было никакой, и смысла впадать в демагогию он не видел. Поэтому почти все время разговора, а вернее монолога испуганной и расстроенной женщины, молчал, изредка издавая какие-то звуки, призванные дать понять его нежеланной собеседнице, что он ее внимательно слушает и проникся всем, что она выливает на его голову.

Он тяжело поднялся с кресла и подошел к окну. Сумрачное небо давило, вгоняло в депрессию, и мужчина закрыл глаза. Было невыносимо стоять вот так, в безопасности, тишине и одиночестве в то время, как его единственная любимая и нужная ему женщина находится там, куда невозможно проникнуть, куда не доходят его сигналы, где никто ничего не знает о его пропаже. Где же она? Что с ней? Не мучается ли она и не страдает? Больно ей и холодно, или все же хорошо?

Когда он ее найдет, а он не позволял себе думать иначе, он не пощадит тех, кто удерживал ее так долго вдали, в неизвестности, какими бы ни были условия ее содержания.

Он прикрыл дрожащие веки. Где бы она ни была, пусть ей будет хорошо, и пусть ее окружают добрые люди. Пусть никто не причиняет ей страданий и не мучает ее. Пусть ей будет хорошо.

Скупые слезы скатились по щекам. Слезы беспомощности и бессилия. Слезы одиночества и боли от потерянной мечты, слезы разбитого счастья. У него снова вся отняли, перечеркнув его жизнь.

* * *

– Ты не можешь ввести ее в дом! – глаза мужчины, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

– Почему нет, Максуд? – Генрих лениво крутил в руках

зажигалку, не торопясь прикурить. Он любовался видом вокруг. Вот сколько живет здесь, а красота этого края до сих пор потрясает его, вгоняя в дрожь и трепет.

– Да пойми ты, она какая-то не такая, у нее странный взгляд – она распугает всех женщин в этом доме, – Максуд горячился.

– А ты это знаешь наверняка? Или самостоятельно решил, что мои родственницы трусихи? – усмехнулся Генрих. – Боюсь, узнай они об этом, особенно Регина, тебе этого не простят. Ай-яй-яй, так плохо думать об этой амазонке, – он показал зубы в насмешливой улыбке, – не позавидую тебе, братец.

– Особенно Регина, – не сдавался мужчина, до глаз заросший бородой. Его глаза сверкали из-под густых бровей. – Ей будет неприятно находиться с ней под одной крышей.

– Полно говорить чушь, – Генрих делано поморщился. – В этом доме полно слуг из рабов с плантаций, и до сих пор Регину это нисколько не оскорбляло. – Он поднялся с плетеного кресла и подошел к перилам веранды, любуясь кустами роз, окружающими веранду по всему периметру. – Напротив, она вполне успешно пользуется их услугами, и даже не может обходиться без их помощи. Они наполняют ее ванну, стирают ее одежду, приносят еду и выполняют многое другое, что она уже давно разучилась делать самостоятельно.

– Ты не понимаешь, – мужчина подошел к нему. – Ты просто не понимаешь, – он поднял палец, но так и не произнес

ни слова, лишь махнул рукой, и отошел в дальний конец веранды.

– Довольно, какова истинная причина твоего несогласия с моим решением? – Генрих оторвал взгляд от гор, виднеющихся вдали, и обернулся к своему собеседнику.

– Она рабыня!

– Да ты меня удивил, – Генрих даже не улыбнулся. – Я этого не знал. Спасибо, братец, что открыл мне глаза на этот факт.

– Рабыня от рабыни – это животное, и ей не место в доме господ.

– Рабыня от рабыни? Точно? Ты уверен?

Взгляды мужчин встретились, Максуд опустил глаза и отвернулся.

– Мы-то с тобой знаем, братец, как обстоит дело в действительности.

– Да, но ее тату говорит об обратном, и все будут видеть ее знак и морщиться, и брезговать, и избегать ее, и какой тогда смысл будет в ее пребывании в этом доме, а? Скажи мне, Генри!

– Достаточно того, что смысл этого вижу я один, – проговорил холодно красивый брюнет. – Мне этого достаточно, а мнение других по данному вопросу меня нисколько не интересует. Я не привык считаться с кем-либо, если это не касается политических вопросов и кровных интересов семьи. Так что оставляю за собой право в данном вопросе поступать

так, как считаю нужным. А я желаю, чтобы она была в этом доме.

– Конечно, Генри, ты поступишь так, как хочешь, и кто тебе в этом помешает, но... я хочу, чтобы ты знал, что я против, – проговорил Максуд, не поднимая глаз.

– Если ты что-то задумал в отношении этой девчонки, то мой долг предупредить тебя – это смертельно опасно для тебя, – Генрих в три шага нагнал бородача и схватил его за лацканы легкого светлого пиджака. – Ай, Максуд, Максуд, – он цокнул языком. – Ты прячешь глаза, и это говорит мне о многом.

Максуд не смел поднять глаза на мужчину, ставшего вдруг опасным. Он чувствовал злость за улыбкой и скрытую угрозу за этим обманчиво спокойным тоном.

– Мне не нужна эта девчонка, – пробормотал он, нервно сглотнув.

– Правда? Это меня радует. Я было подумал, что это не так, и немного заволновался даже. Хорошо, что ты меня успокоил, – Генрих похлопал его по щеке и отошел к перилам.

Горящий взгляд Максуда сверлил его спину.

– Дело в том, Макси, что ты не умеешь летать, и что ты можешь дать ей, бедной девочке, лишившейся всего, что было ей так дорого в ее прошлой жизни, – мужчина, наконец, прикурил, и затянулся. – А я могу научить ее летать. О, это будет прекрасный полет, единственный в ее новой жизни, но

такой, что об этом будут слагать легенды. Уж я-то его опишу, нарисую и положу на музыку, – Генрих говорил сам с собой, не заботясь, и даже не желая, чтобы его сейчас слышали.

Аромат роз, развеваемый по саду легким ветерком, волновал его ноздри, будоражил мысли, и он решил, что надо будет завестись лепестками роз. Они, бесспорно, только украсят его общение с этой изумительной девушкой. Да, они создадут особую атмосферу и сделают антураж его задуманной сцене. Определенно, он так и поступит.

ГЛАВА 4

Таня утирала слезы, приближаясь к своему бригадиру. Она была полна решимости добиться встречи с подругой.

Тот заметил девушку, выругался себе под нос, отвернулся и быстро направился прочь, стегая скрученным кнутом по кустам, посаженным вдоль дороги.

– Махмуд, пожалуйста, ну послушай меня, – взмолилась заплаканная девушка, догоняя раздраженного мужчину. – Прошу тебя, тебе же это ничего не стоит. Ну пожалуйста, выслушай меня.

Тот резко остановился, позволив девушке его нагнать.

– Мне-то, положим, и не стоит, а тебе может чего-то стоить, – проговорил он, хмуро разглядывая ее. И почему он раньше не замечал, что она ничего себе бабенка? В меру крепкая, в меру ладная, и есть за что подержаться.

Таня остановилась и замерла. Она слышала шум цикад, стрекот сверчков и шорох листвы на ветру. Солнце припекало, и если закрыть глаза, то можно представить себя в мирном месте, где-то в саду на даче, или в деревне у бабушки. Но взгляд мужчины ей очень не понравился. Уж кто-кто, но только не он. Возможно, она была бы и рада испытать те плотские утехы, о которых слышала от других женщин, но о жестокости Махмуда ей было известно из первых уст, и мысль о его возможных посягательствах напугала ее. Нет,

что угодно, только не это!

Высокий, крепкого сложения, с мускулистыми руками, волосатый, на первый взгляд он мог показаться интересным, но что-то в его взгляде заставляло почувствовать легкое напряжение. И уже ни правильные черты восточного лица, ни мускулатура прокачанного тела не могли ввести в заблуждение женщин, глядящих ему в глаза. Жестокость, вот что было его визитной карточкой. Неспособность уважать человеческую жизнь и ценить личность, вседозволенность и безнаказанность. Это буквально читалось в его взгляде, которым он окинул сейчас бедную девушку.

– Махмуд, что это ты так на меня уставился? – пролепетала Таня, отступая.

Мужчина осклабился.

– Э, ты же хочешь провести свою подружку? – он сделал шаг к Татьяне, и та невольно отступила.

– Хочу, – тем не менее, произнесла она.

– Значит, и меня захочешь, – улыбка разрезала челюсть мужчины, показав желтые зубы заядлого курильщика.

Таня вдохнула свежего воздуха и закашлялась.

– Махмуд, о чем ты говоришь? Что ты? Ты же это не серьезно?

Нет, на такие жертвы ради дружбы девушка готова не была. Да и чем реально она может помочь сейчас Семерке?

Та надежно заперта в отдельно стоящем бараке, за линией основных построек, и недавно ее посетил врач. Наверняка

он сделала какие-то перевязки и накачал ее болеутоляющим. После того, как Махмуду не оставалось ничего иного, как доказать свое главенство и первенство, у Семерки не было шансов выйти сухой из воды. Открытое неповиновение всегда каралось безжалостно и жестоко, чтобы другим неповадно было. Все должны знать, у кого тут сила, за кем последнее слово. Дай слабину, и Генрих самолично вышвырнет тебя с плантаций. Ему не нужны слабаки, а поступление к нему на службу – это всегда билет в один конец. Это понимали все, кто добровольно шел к нему на работу на его условиях. И чем, в сущности, они отличались от рабов, не разгибающих спины на плантациях? Да, им платили, и они имели возможность посылать эти деньги своим семьям, но сами с потрохами принадлежали хозяину – великому и ужасному Генриху. И все же одно отличие между ними и рабынями существовало – они продались добровольно и осознанно.

– Махмуд, я лучше пойду, – пробормотала Татьяна, готовая сорваться с места в любую секунду, но крепкая рука мужчины впилась ей в плечо.

– Послушай меня, сучка, – прошипел он ей в лицо, и удушливая волна страха пробежала через все тело бедняжки. – Будет так, как я решу, и никак иначе. Спасти тебя от моего желания сможет только сам хозяин, поняла?

Таня молчала, округлившимися глазами глядя на своего начальника. Ее воспаленный разум уже рисовал сцены пыток, применяемых к ней ради того, чтобы этот насильник по-

лучил удовольствие. Руки и ноги дрожали, будто она работала без перерыва несколько суток подряд.

– Но ты же меня не хочешь, – с мольбой в голосе прошептала девушка.

– Радуйся этому, – мужчина внезапно отпустил ее, и Татьяна тут же отпрыгнула в сторону, еще не веря в спасение. – Но когда я скажу – приди, ты придешь, поняла? Иначе будет хуже, – он поднял руку с растопыренными скрюченными пальцами над ее лицом, как бы в подтверждение своих угроз.

Брюнетка закивала настолько энергично, что у нее закружилась голова, и в следующую секунду сорвалась и побежала так быстро, что догнать ее можно было бы, сильно запыхавшись и довольно долго за ней побегав. Грубый хохот ей в спину только подстегивал бегунью, придавая дополнительные силы.

А Семерке снился сон. Физическая боль отступила, отошла на задний план, став лишь ноющим фоном, на который перестаешь обращать внимания, почти привыкнув к ней как к неизбежному злу. На сцену вышла душевная тоска. Воспоминания, чужие и нереальные, терзали ее, лишая покоя. Снова это лицо. Совершенное, безупречное, но абсолютно незнакомое.

Что в нем такого, что оно вновь снится ей? Этот человек что-то значил в ее жизни? А могли ли такие люди встречаться в жизни рабыни, рожденной в неволе и не понимающей

в этой жизни ничего? Может быть, он был ее прежним хозяином?

Но эти глаза, холодные и цепкие, не могут быть глазами садиста-убийцы, а с недавнего времени Семерка понимала, что хозяин плантации и рабовладелец – априори безжалостный и неумолимый убийца. Он может все: мучить, казнить, истязать. Ну не может человек из снов быть таким же! Его холодное лицо, почти лишенное эмоций, безупречно, на нем можно прочесть все, что угодно, только не жажду убивать. Нет, он не способен на такое, она это чувствовала. Хотя, о чем тут можно рассуждать, это всего лишь сон. Не важно, где она его видела, важно, что в ее жизни этого человека быть не может.

В этот же час девушка, пребывая в наркотическом сне, без которого испытывала бы невыносимые муки, терзаемая болью из-за порванной в клочья кожи на спине, кричала от боли совсем другой природы. С ее любимым лицом из снов, с этим прекрасным лицом загадочного незнакомца происходило что-то страшное прямо у нее на глазах.

Его зрачки расширились, радужка глаз поменяла цвет с прозрачно-серого на темный, цвета свинцовых туч на грозовом небе. Глаза потемнели, в них зажегся какой-то дьявольский огонь, но не торжества, а страдания, словно душу незнакомца разрывает сейчас сильная боль, а по лицу, по гладкой поверхности щеки невидимый глазу клинок медленно, как в замедленной съемке, ведет острием прямо по плоти, вспары-

вая кожу и оставляя кровавый след. Кровь сочится все быстрее и обильнее, заливая подбородок, стекая по шее, и теряется, выпадая из поля зрения.

Дыхание девушки, и так затрудненное, участилось, она закричала, но сорванные голосовые связки позволили вырваться наружу лишь жалкому хрипу. Да, свой голос она потеряла, когда кричала от боли в поле, мечтая только о том, чтобы Махмуд поскорее уже убил ее. Она видела шрамы на своем теле. Не знала, не помнила, откуда они у нее, как появились, но не удивлялась, видя порядок жизни на плантации. Но вот терпеть эту боль она совершенно не могла, и поэтому кричала с опасностью разорвать вены, взбухшие не висках.

Махмуда практически оттащили от нее. Их увидели другие надзиратели, и пока добежали к разъяренному мужчине, потерявшему контроль над собой, Семерка уже валялась на земле, не в силах различить что-либо затухающим взором, проваливаясь в какую-то пустоту, черноту, тишину.

Врач вколол ей лекарство и сообщил, что придет на следующий день. Он не был шокирован увиденным, давно привык к виду крови, к порванной коже, к выступающему мясу. Не было жалко ему и эту девушку. Он сделал свою работу и ушел, его ждали другие пациенты. Эта выскочка не единственная, кто сегодня разозлила своих начальников. Разумеется, так, как она, никто не пострадал, до такого мало кто доводил своих надзирателей. Ну что ж, если выживет, это

будет ей уроком. Только появилась на плантации, и уже проявила свой строптивый характер. Для рабыни, рожденной в неволе, это странно, ведь ее с рождения учили только одному: беспрекословному подчинению. Что же произошло, что она так взбунтовалась? Да, темное дело, впрочем, его это не касается.

Таня все время экзекуции просидела на земле. Она не смела пошевелиться, боясь попасть под горячую руку, и только и могла, что тихо плакать, захлебываясь слезами. Она не смотрела на Семерку, на то, как меняется выражение ее лица, как уходит осмысленность из глаз, как намокает от крови ткань платья и хлупает, когда длинный хлыст, со свистом рассекая воздух, падает на спину.

Но она знала, что сейчас оттащат изуродованное тело, и ей придется продолжить свою работу. Никто не даст ей время на оплакивание подруги, никто не станет с ней говорить об этом, чтобы дать выход переживаниям. Есть норма, и ее необходимо выполнить, если она не хочет быть следующей. И дай бог, Махмуд не вспомнит, из-за чего началась эта казнь, ведь болтливых рабынь было две, и тогда он может пожелать наказать и ее, а она, в отличие от мужественной Семерки, не выдержит и половины такого наказания. А может даже и четверти.

Об этом случае перешептывались уже второй день. Все в лагере рабов узнали, что рабыня, рожденная в неволе, взбунтовалась. Это был нонсенс. Всем известно, что дети рабов

самые покорные, с минимумом интеллекта, практически без инстинкта самосохранения, с абсолютно подавленной волей. И вдруг такой поступок: воспротивиться надсмотрщику. Качали головами, пожимали плечами, расширяли глаза, шептались и шушукались, и изумлению не было предела.

Гай сидел в кресле на берегу искусственного водоема. Шелестела трава, ветер трепал его длинные жесткие волосы, он задумчиво жевал травинку, наблюдая за рябью на воде. Неподалеку стояла группа зрителей. Они курили, о чем-то тихо переговариваясь. Кусты жимолости скрывали молодого человека, и о его присутствии пока никто не догадывался.

Юноша подъехал чуть ближе, благо, колеса были хорошо смазаны и не скрипели, а свои многочисленные серебряные браслеты, которые могли позвякивать, сегодня утром надевать он просто поленился, и ему удалось услышать конец беседы. Какая-то девушка умирала в лазарете. Мужчины предполагали, что Махмуду выгодна ее смерть: таким образом он подтвердит свою власть, и если это дело удастся замять, он ни перед кем не станет отвечать. Гаю было все равно, о чем шла речь, ровно до того момента, как мужчины стали обсуждать ее внешность и прелести. Прошлись по характеру, обратили внимание на странный задумчивый взгляд, уж слишком умное у нее лицо для рабыни с ее тату.

Вот после этих подробных описаний Гай разволновался.

Как-то мгновенно он подумал на ту необычную блондинку с пепельным цветом волос, на которую положил глаз его дя-дюшка.

Почему-то сильно забилося сердце. Чего он так испугался? Что умирает именно она? Но почему? Что ему за дело до нее? Возможно, потому, что она смотрела на него с со-чувствием, тогда, в грозу? Он заметил в блеске молнии ее взгляд, открытый и нежный, будто она видела не инвалида, нет. Тигра в клетке. Орла с подрезанными крыльями. Тогда он это четко понял и почувствовал, он вообще очень чув-ствителен к делам такого рода. Что ж, если помочь ей может только Генрих, он узнает об этом деле. Махмуд, конечно, па-рень надежный, проверенный и закаленный, его работу хва-лят, к его бригаде не бывает серьезных нареканий, но если он хоть пальцем прикоснулся именно к той девушке, он за это ответит. И перед Генрихом, и перед Гаем.

Когда Семерка впервые открыла глаза, ее взору предста-ла весьма живописная картина. Бесконечно глубокое небо, парящие в нем птицы и рука, простирающаяся к ней. Что это? Где она оказалась? Кто спешит к ней с небес? Поморгав, прогоняя пелену сна и запекшиеся слезы (она снова плакала во сне, потому что опять кровавая линия медленно ползла по прекрасному лицу неизвестного мужчины от края губы к скуле, оставляемая незримым лезвием), она повернула го-лову и уперлась взглядом в стену, обитую нежным шелком

оливкового цвета. Хотелось провести по ней рукой, но слабость во всем теле не позволила это сделать. Сил не было совершенно. Она почувствовала сухость во рту.

– Очнулась? – послышался женский голос. – Это хорошо. Тебе что-нибудь нужно?

Семерка медленно повернула голову на звук и увидела женщину средних лет, одетую в опрятную светлую одежду, но, не смотря на наряд, безысходность во взгляде выдавала в ней невольницу.

Неужели, пока девушка была без сознания, ввели новую форму одежды? Теперь не выдают безразмерные застиранные дерюги с чужого плеча? Но о чем она думает? Она была на грани жизни и смерти, и вот очнулась. Но надо ли ей это – жить в таких условиях? Зачем?

– Ты хочешь чего-нибудь? – повторила свой вопрос женщина тихим голосом. В ее взгляде читалось участие, но разве она может действительно сделать что-то стоящее для Семерки? Это не в ее власти.

– Да, свободы, – прохрипела девушка, облизнув сухие губы. – Или хотя бы воды.

Женщина с грустно улыбкой прошла к столу с графином с водой. Налила стакан и подала Семерке.

– Пей, пей, родная. У тебя что-то болит сейчас? – мягкая прохладная ладонь легла на лоб, и это оказалось так приятно.

Вероятно, она лишилась ребенка, возможно, дочери, и эта

ее потребность в заботе о ком-то теперь распространилась на девушку. Но надолго ли?

И вообще, где она лежит? Неужели за время ее обморока так преобразовали лазарет, устроенный в деревянной хибаре на задворках лагеря? Стены обили шелком, на потолке искусный художник нарисовал небо... Художник... искусный художник... Чего она зацепилась за эти слова? Не понятно. А, ладно. Надо же – униформа, ремонт. Она проспала какое-то чудо. Что, произошла революция и свергли власть Генриха? Революция... Откуда это слово? Что оно означает? Кровопролитие во имя чего-то? Согнали одного туза, чтобы посадить другого. Тузы? Это про карты, что ли? И никаких изменений для толпы внизу, на баррикадах. Баррикады... Какое грубое режущее слово. Что-то колючее, угловатое, громоздкое и темное...

– Где я? – Семерка решила больше не мучиться догадками. – Откуда цветы? Это Таня принесла?

На круглом столе у окна красовалась ваза с пионами. Пришла мысль, что ей очень нравятся пионы. Это из прошлой жизни? Или она подумала это просто так? Ведь в своем положении она может предполагать что угодно, даже то, что она была незаконнорожденной дочерью короля. Боже, какого короля? Но Генрих сам сказал ей, что она может стать кем угодно.

– Нет, я не знаю ни о какой Тане. Сюда не пускают посетителей из лагеря в долине, – мягко произнесла женщина. –

Это Регина принесла цветы. Она живет в этом доме. Очень хорошая девушка. Она каждый день справляется о твоём самочувствии.

– И каково же было моё самочувствие?

– Ну, ты все время спала, если можно так выразиться. Не приходила в сознание. Плакала и кричала во сне.

– И сколько я пробыла в таком состоянии? Сутки? Интересно, мне простят не сделанную норму, или придется работать и ночью, чтобы успеть сделать все, что мне полагается? – Семерка приподняла голову и выглянула в окно.

Ветер трепал легкий прозрачный тюль, шелестел листвой, распространял по комнате аромат цветущего сада. Волшеб-но.

– Сутки? Да ты пять дней была между жизнью и смертью, – произнесла женщина, внимательно глядя на девушку.

– Пять дней? Что, серьезно? Меня отлупили плетью, и я так разболелась? – Семерка не могла поверить в это.

– Отлупили? Да на тебе живого места не было, девочка, – большие глаза женщины потемнели от близких слез. – Ты столько всего перенесла. Больше всего доктор боялся заражения крови. У тебя сейчас что-нибудь болит?

Семерка прислушалась к своим ощущениям.

– Да вроде не очень. Спина только чешется, и сильно так. Зудит прямо. Ну и голова немного кружится.

– Это от слабости. И раны зарастают, новая кожа появляется, вот и ощущения такие.

– А я уж было подумала, что крылья режутся, – пробормотала девушка.

Женщина обернулась к ней от стола и посмотрела на нее странным подозрительным взглядом.

– Крылья? Какие крылья? Ты, наверное, еще бредишь?

– Да нет, это я так пошутила, – улыбнулась Семерка. – Между лопатками зудит, значит крылья режутся.

– А, как у ангела? – женщина недоуменно хлопала глазами.

– У ангела? Какого ангела? Не помню, не знаю, – девушка потеряла лоб.

– Ты лежи, лежи, тебе нужен покой, – служанка подошла к постели и погладила ее по волосам.

Они слиплись от пота, потемнели и выглядели жалко. Надо бы ее помыть, привести в порядок. Красивая девочка. За что же ей такое досталось? Наказание-то какое!

– Здесь такая удобная кровать, – улыбнулась Семерка. – И такая мягкая перина. Это что-то с чем-то! Фантастика.

Женщина удивленно посмотрела на нее. Глаза скользнули на черный знак на руке, такой тонкой и слабой. В глазах снова зашипало.

– Я сейчас принесу тебе бульон. Похлебаешь горяченького, хорошо? Ты идешь на поправку, и Генрих будет рад узнать, что ты пришла в себя.

– А все же, где я нахожусь? – Семерка снова приподнялась над подушкой, но накатила слабость, и она упала обратно.

Она лежала на животе, понимая, что еще долго не сможет спать на спине.

Женщина задержалась в дверях.

– А ты не догадываешься? – спросила она.

– Ответ вопросом на вопрос, – пробормотала девушка. –

Я в усадьбе?

– Да. В гостевом домике.

– Но почему? Разве сюда привозят больных рабов? Тем более детей рабов?

– Вероятно, ты особенная девушка, если тебя удостоили такой части и заботы, – произнесла женщина, отводя взгляд, и поспешно вышла из комнаты.

Чудеса, подумала девушка, натянув одеяло до подбородка.

Генрих зашел в комнату одновременно со служанкой, приветливо той улыбнувшись и придержав дверь, чтобы женщине было удобно внести поднос с едой для своей подопечной.

– Добрый день, – обратился он к Семерке с широкой улыбкой. – Как ты себя чувствуешь? Рад видеть тебя в сознании.

Женщина поставила поднос на стол и суетливо принесла стул для Генриха. Тот кивнул женщине в знак благодарности и сел напротив девушки, продолжая ей приветливо улыбаться.

– Мы все очень беспокоились за тебя, – произнес он, глядя ей в глаза.

– Ну что вы, не стоило, – пробормотала Семерка смущенно. Она не понимала, чем вызвала подобное внимание к своей персоне, и жутко стеснялась.

– Как тебе здесь, нравится? – Генрих обвел комнату рукой. Семерка прошла взглядом по стеллажам с книгами и различными статуэтками, кубками и шкатулками, по серванту с красивой посудой. На стенах висело несколько картин, мягкий диванчик с пледом на подлокотнике стоял в нише, наполовину занавешенный зеленым тюлем, на тон темнее шелка на стенах. Круглый стол белого цвета, в тон всей мебели с графином и вазой с цветами она уже видела.

– Здесь очень красиво, – признала она. – Все так изысканно и устроено со вкусом.

Генрих метнул взгляд на служанку, та с беспокойством смотрела на девушку. В ее глазах читалось непонимание и недоумение. Ей было странно слышать такие речи из уст человека, не знающего о жизни ничего и обладающего минимальным набором слов для того чтобы общаться со своими хозяевами, коим полностью принадлежала ее жалкая пустая жизнь.

– Оставь нас, Лариса, – мягко попросил хозяин и, кивнув, та вылетела из комнаты, испытав подобие облегчения. Она не желала знать никаких тайн, ей не нужны проблемы, а здесь явно происходит что-то странное. Ей это ни к чему.

– По-видимому, мне придется позаботиться о твоём обеде, – произнес Генрих, направляясь к столу.

Девушка с беспокойством следила за ним. Она что, должна есть при нем? Оказалось, ей придется есть с ложки.

Мужчина держал пиалу в руке, второй поднося ей ложку с янтарным куриным бульоном с ароматом укропа, кинзы и еще каких-то трав, о которых Семерка ничего не знала. Она молча глотала жидкость, не смея поднять на него глаза. На свое счастье, ей были не известны мысли этого человека в данный период времени.

А он рассуждал об аналогии с человеком, который выращивает животных на своем скотном дворе лишь для того, чтобы в назначенное время зарезать эту живность и употребить в пищу, для насыщения и гастрономического удовольствия. Вот и Генрих сейчас заботливо пестует свою будущую жертву. Это хорошо, что ситуация сложилась так, что его тесное общение с этой девочкой стало естественным и вполне логичным для всей его семьи. Нет, возможно, это и показалось кому-то странным, что он взял в дом рабыню, выхаживает ее, тратится на дорогие медикаменты, поместив ее в роскошный отдельный дом, но больше его заботила не реакция его близких, приученных подчиняться его желаниям и указам, а реакция самой девочки. Не хотелось с самого начала оказаться в ее глазах злодеем. Ему почему-то было очень важно прежде стать ее другом, близким и дорогим. В этом есть особый шарм. Тем сильнее будут ее чувства в момент откровения об истинной сути их дружбы и сущности ее «друга».

Он почувствовал что-то вроде эйфории, голова слегка закружилась, и он пролил несколько капель на белоснежный пододеяльник, заверив девушку, что беспокоиться не о чем, и в ближайшее время постельное белье будет перестелено. Появилось острое желание самому провести омовение выздоравливающей, но он справедливо рассудил, что время еще есть, и не стоит смущать и пугать ее раньше времени. Он наверстает свое, и у него еще будет не одна возможность провести с ней время, в том числе и в ванной комнате.

Чувствуя приятную бодрящую дрожь во всем теле, он поднялся со стула и, пожелав ей приятного дня, направился к выходу, пообещав прислать служанку ей в помощь.

– Скажите, что меня ждет дальше? – решила Семерка на волновавший ее вопрос.

Генрих медленно обернулся к ней с приятной улыбкой.

– Думаю, много хорошего, мон шер, – произнес он. – Много хорошего.

– Но моя норма... Я узнала сегодня, сколько времени провела на перинах, и боюсь, что не смогу вернуть долг, отработать и отблагодарить вас. Похоже, я попала в кабалу...

– «Провела на перинах»... – казалось, Генрих удивился ее оценке событий, случившихся с ней. – Дорогая, ты была на грани жизни и смерти, твою боль постоянно снимали наркотиками, твоя спина была сплошным мясом, и пройдет еще много времени, прежде чем шрамы зарастут и затянутся. Разумеется, ты не можешь вернуть долг, но ты не по своей воли

в него влезла.

– Вот как... Но я была не в праве рассчитывать на такое отношение, – пробормотала девушка.

– Твои права, равно как и всех живущих в этой местности, определяю я, и я подарил тебе такое право, – произнес Генрих серьезно. – Так же, как и наказал того, кто на это право посягнул.

– Что вы имеете в виду? – девушка замерла. Ей стало не по себе от только что услышанного.

– Тебя это не должно касаться, – проговорил мужчина с легкой прохладцей в голосе, пытаясь донести до нее мысль о ее месте во всей этой истории не смотря на особую симпатию к ней. – Но могу сказать, что виновный понес заслуженное наказание. С моей собственностью, как и с моими друзьями все обязаны обращаться бережно, о чем он забыл.

– Что с Махмудом? – напрямую спросила Семерка.

Не то, чтобы она испытывала к нему сочувствие или беспокоилась о его судьбе, но мысль, что перед ней стоит жестокий человек, безжалостно вершащий чужие судьбы, пугала довольно сильно. Очень хотелось услышать, что провинившийся мужчина, превысивший свои полномочия и давший излишнюю свободу своим эмоциям, наказан вполне адекватно проступку, и пребывает, к примеру, в заточении, откуда в скором времени должен выйти, чтобы вновь приступить к своим обязанностям. Воспоминания об утащенной с поля женщине она постаралась прогнать сразу же, как только они

появились в голове.

Генрих ничего не ответил. Он замер, изучая ее лицо, потом его губы раздвинулись в улыбке, и вновь пожелав ей хорошего дня, он вышел из комнаты.

Тут же вошла Лариса, и направилась к ее кровати.

– Дорогая, я перестелю твою постель, – она помогла девушке встать на ноги и осторожно проводила к дивану. – А потом мы с тобой искупаемся, – произнесла она, будто разговаривала со своей маленькой дочкой. – В соседней комнате я наполнила ванную. Специальные травы укрепят твои силы и сделают бодрее.

Взяв за плечо и поддерживая за талию, Лариса вывела ее на застекленную террасу. Сквозь окно во всю стену можно было видеть дивный сад. Деревья качались на сильном ветру, солнечные лучи, перебиваемые ветками груш и яблонь, светили в окно и оставляли сияющие дорожки, тянущиеся через всю комнату и пронизывающие пространство помещения.

– Как здесь красиво, – улыбнулась Семерка и замерла, желая посмотреть на это все.

На дорожке среди деревьев увидела знакомую фигуру красивого паренька в инвалидном кресле. Он смотрел на нее. Лицо его было хмурым, но на нем явно читалось желание поговорить, Семерка это разглядела. Неуверенно подняла руку и помахала ему.

– Что ты делаешь? Зачем? – обеспокоенно зашептала Лариса. – Лучше не общайся с ним, прошу тебя.

– Ну почему? – Семерка продолжала улыбаться приближающемуся парню. Его волосы забавно топорщились, в ушах сверкали серебряные клипсы.

– Он опасен, – прошептала Лариса. – Только прошу тебя, не говори никому о том, что я тебе это сказала, – попросила она.

– Ну что ты, конечно же нет, – заверила девушка.

Лариса, придерживая больную одной рукой, второй толкнула дверь, чтобы парень мог подъехать к самой террасе.

– Привет, – обратился Гай к Семерке.

– Привет, – улыбнулась та. – Как твои дела? Можно рабыне задать такой вопрос?

– Вообще-то нет, но я тебе разрешаю.

– Ну так как твои дела?

– Я живу и, наверное, это значит, что не плохо, – он равнодушно пожал плечами.

– Живому псу лучше, нежели мертвому льву, – произнесла девушка, и Лариса не сдержавшись, ахнула.

Гай пристально посмотрел ей в лицо.

– А как твои дела? – спросил он почти сердито.

– Я тоже жива, и вроде бы иду на поправку.

– Да, и сейчас она идет мыться, – осторожно вклинилась в разговор Лариса, пытаясь развернуть девушку к двери, ведущей в ванную комнату.

– А тебя, тварь, я ни о чем не спрашивал и слова тебе не давал, – процедил Гай, бросив на Ларису уничижающий

взгляд. Он заметил, как напряглась девушка. – Рабы должны знать свое место, – зачем-то пояснил он. Чего она так побледнела? Проклятье, почему он должен перед ней оправдываться? – Эй, ты, – он посмотрел на Ларису, – оставь нас.

– Но она еще слишком слаба, – попыталась вступить женщина.

– Принеси ей стул, – приказал Гай тоном, не терпящим возражений.

– Хорошо, – Лариса, опустив глаза, метнулась в комнату и вынесла тяжелый стул с высокой спинкой. Поставила рядом с девушкой и помогла присесть.

– Иди, я позову тебя, – Гай недовольно дернул рукой в сторону комнаты. – И закрой за собой дверь.

Семерка в волнении смотрела на него. Если он опасен своей грубостью, то это она переживет, но если он как Генрих?

– Что ты на меня так смотришь? – сердито спросил Гай, въехав через маленький порожек в комнату. – У меня ослиные уши выросли?

– Нет, у тебя нормальные уши, и красивые сережки, – пожала плечами девушка.

Ей было трудно сидеть, во всем теле ощущалась слабость и начала кружиться голова, но она ни за что ему в этом не признается.

– Тебе нравится серебро?

– Не знаю, наверное, нет, но выглядит красиво. Как рабыне может нравиться серебро? У нее ничего не может быть.

– Сейчас будет, – произнес Гай и стянул один из браслетов с тонкого, почти девичьего запястья. – Держи, это тебе, – протянул подарок девушке.

Он так и не понял, чего она испугалась, только Семерка как-то сильно побледнела и отрицательно замотала головой, вцепившись руками в сидение.

– Если рабыню увидят с дорогим украшением, могут решить, что она его украла, а второго такого наказания я просто не переживу, – объяснила она.

Гай подъехал к ней вплотную, грубо схватил за руку и нацепил на запястье браслет.

– Теперь он твой, и никто тебя за это не накажет, – произнес он строго. – Никто не лишит тебя жизни из-за него.

Девушка посмотрела на затейливое украшение и грустно улыбнулась.

– Знаешь, а зачем рабыне жить? Я вот думаю, что у меня был хороший шанс уйти из этого мира, но меня зачем-то спасли. Стоило ли это делать? Для хозяина да, понимаю, что стоило. Все же за меня заплачены деньги и моя смерть – потеря для него, но не такая уж и большая. А вот мне продолжать такое существование – мучительно, понимаешь?

– Понимаю, – прошептал Гай. – Я тоже иногда думаю, что лучше мне было тогда разбиться вместе с матерью, чем жить так, инвалидом, на всеобщем обозрении.

Они подняли головы и их взгляды встретились. Он не ожидал, что она так сделает, а девушка протянула худые ру-

ки к нему и за плечи привлекла к себе. Он не стал сопротивляться. За четыре года, прошедшие со дня смерти матери и его такого жалкого положения, никто ни разу даже не потрепал его по голове, не говоря уж о такой нежности. Никто даже не догадался его приласкать. Был только страх, брезгливость и тайное презрение. Даже родственники только жалели его, избегая долгого с ним общения. Было невыносимо видеть эту жалкую беспомощность: парень с обрубками ног может вызывать только отвращение.

А она все поняла с первого взгляда. Будет жалко потерять ее, но Генрих не отступится от нее.

– Если мы все еще живы, значит, так и должно быть, – проговорила тихо девушка, продолжая его обнимать. – Ведь если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно...

Опять это лезет из нее. Какие-то обрывки стихов. Чьи, и откуда она их знает? Ведь не знала же до этой минуты, а вот сейчас пришли на память. Память. Как жаль, что она ее потеряла.

– Ты классная, – неожиданно для себя произнес Гай.

– Я такая, какая есть, и я даже не знаю, какая я. Добрая, или злая, хорошая, или плохая. Понимаешь? Я могу быть любой.

– Так ты меня специально обняла, чтобы показаться мне хорошей и войти ко мне в доверие? – вскинулся Гай, вырвавшись из ее слабых объятий. Он даже отъехал от нее демонстративно.

– Я не знаю, – растерянно пожала плечами девушка. – Гай, я не знаю... Мне просто захотелось это сделать, потому что я вижу, как тебе одиноко и плохо. Ты мог бы парить в вышине, а вместо этого... Ты в силках, в цепях, и в этом не было твоей вины, так случилось. И от этого больно. Мне показалось, что я почувствовала твою боль. Я же тоже в цепях.

Гай все еще недоверчиво смотрел на нее исподлобья.

– Ладно, не изворачивайся, все нормально, – проговорил он, разворачиваясь к дверям, ведущим в сад. – Тебе пора купаться и спать. Ты устала и дрожишь от слабости. Лариса! – крикнул он громко, выезжая на асфальтовую дорожку.

– Тебе вернуть браслет? – спросила девушка, прикоснувшись к подарку.

– Нет, теперь он твой, – и Гай поехал прочь, ни разу не обернувшись.

Выздоровление шло полным ходом. Врач, серьезно мотивированный Генрихом и без вариантов нацеленный на положительный результат, приходил по несколько раз в день. Спокойный, невозмутимый, много лет назад он научился скрывать истинные чувства под маской невозмутимого специалиста, уверенного в своих знаниях и правоте своих действий. Он умеет не совать нос, куда не следует, и не задавать лишних вопросов.

Он неспешно входил в комнату, брал стул, усаживался напротив кровати, и со словами «Ну, как? Посмотрим, посмот-

рим», брал тонкое запястье девушки с прозрачной кожей, под которой синели тонкие вены, и замерял пульс. Ему нравилось смотреть на ее лицо, на тонкие черты, в огромные глаза, немного запавшие, темные, но горящие каким-то внутренним светом, словно не способные скрыть работу мозга, чехарду мыслей и глубину мечтаний. Да, ничто не может заставить эту девушку ползать, думал врач, она определенно рождена летать.

Из ее редких скупых ответов врач давно заключил, что никакая она не раба, рожденная в неволе. Зачем было так над ней издеваться – поставить это клеймо, не имеющее к ней никакого отношения, он понимал, и находил это чудовищным. Так она подскочила в цене. Мало того, что у нее и так отняли жизнь, выкрав эту девушку в расцвете лет из привычной среды, поставив крест на ее будущем, лишив настоящего, так они еще и украли ее прошлое! Воспользовались амнезией и подсунули ей чужую судьбу, жизнь животного. Это с ее-то харизмой, это с ее-то неуемной энергией, полетом мысли и живой душой! Да, пора Генриху брать в штат психолога, чтобы как-то фильтровать и упорядочивать такие действия, а то действуют, как мясники, ей-богу – оттапали половину жизни, присобачили чужой хвост, и назвали своим творением. Жутко.

Как он устал от всего этого, насмотрелся, наслушался, накушался. Только вот на пенсию здесь не уходят. Судьба у него такая – до конца своих дней лечить физические боляч-

ки у кровоточащих душ. И хорошо, если дадут доработать до глубокой старости, а ну как в расход пустят? Вот как только найдут человека его квалификации, так и пустят, не пожалеют.

Свои-то души испортили и развратили, так на другие им и подавно плевать...

После визитов к этой странной девушке доктор всегда уходил очень взволнованным, и долго приходил в себя, куря сигарету за сигаретой. Но что он мог ей дать, чем помочь? Ничем. Ей уже никто не поможет.

Старый доктор прекрасно понимал, какие виды имеет на нее Генрих, и внутренне содрогался. Он кое-что знал, кое-что видел, и мысль, что вот эту птичку ждет та же участь, заставляла его горько вздыхать и класть под язык валидол, когда пульс зашкаливал, и в груди теснило и кололо.

Каждый день врач проводил тщательный осмотр своей любимой пациентки, измерял давление, проверял, как заживает спина, ревностно следил за тем, насколько правильно и грамотно Лариса смазывает Семерке спину, изучал рубцы, то хмурясь, то согласно кивая седой головой.

В целом, результатами он был доволен. Во всяком случае, гнев хозяина ему не грозил, это определено. Но во что грозило самой бедной девочке... об этом было лучше не думать.

В такие моменты мужчина начинал ненавидеть свою работу: приводить в чувство жертву, чтобы продлить ее агонию, доставляя тем самым удовольствие ее палачу. И сейчас

он чувствовал себя предателем, получая благодарные улыбки ни о чем не подозревающей девушки, в то время как он пытался поправить ее здоровье лишь для одной цели – чтобы кому-то можно было ее убить, извести, уничтожить.

В целом присутствие в доме невольницы на правах госты шокировало домочадцев Генриха, но его неоспоримый авторитет и главенство в клане не позволяли им высказывать свое мнение вслух. Шушуканье, пересуды и тихие разговоры в спальнях не волновали хозяина плантации, и вскоре все смирились с тем, что в гостевом домике находится рабыня, рожденная в неволе, которая после выздоровления останется в доме, чтобы работать горничной.

Регина, молодая родственница Генриха, красивая яркая девушка двадцати трех лет, часто навещала выздоравливающую, приносила цветы, фрукты, даже оставалась на несколько минут, чтобы переброситься с ней ничего не значащими фразами. Красавице было дико интересно вживую пообщаться с «милым животным», так как путь на плантации ей самой был заказан. Видимо, заботливый родственник оберегал ее нежную психику от потрясений, и Семерка оказалась для нее практически одомашненным инопланетянином, неизвестным малоизученным видом (служанки-невольницы, вырванные из привычной жизни, не представляли для нее никакого интереса).

Семерка чаще молчала, опасаясь сказать что-нибудь не

так. Она больше не спрашивала о судьбе Махмуда, и так обо всем догадавшись. Генрих навещал ее постоянно. Садился рядом с ее кроватью, чтоб почитать ей что-нибудь из классики. Ему нравился замороженный взгляд девушки, впитывающей как губка стиль, информацию и музыку, заключенные в классических произведениях бессмертных гениев, когда Генрих вещал ей своим плавным выразительным голосом.

Гай больше не появлялся. Тем не менее, он постоянно приезжал в яблоневый сад, чтобы издали смотреть на открытое окно ее комнаты. Он о чем-то думал, и лицо его, обычно хмурое и злое, разглаживалось, черты принимали спокойный вид, и он испытывал умиротворение, но ровно до тех пор, как не вспоминал о той участи, которую Генрих уготовил ей.

ГЛАВА 5

Бертуччо разбудил телефонный звонок. Он не сразу понял, что за звук поднял его с постели, но трель телефонного звонка не унималась, и Берту ничего не оставалось, как подняться с постели и подойти к телефону.

Близился полдень, но вчерашний день полностью вымотал мужчину, и он был бы рад поспать еще хоть немного. Он снова мотался в Орден, посетил два морга в госпиталях в разных частях города, и поздно вернулся домой. Арсений притворился спящим, и Берт тихо прошел в свою комнату. Так и уснул одетым, упав в неразобранную кровать.

Они с Арсом жили в городской квартире. Это позволяло быть мобильными, быстро реагируя на любой вызов с целью приехать в то или иное место. Добираться в город из Туманного было бы дольше, и нервов на это уходило бы больше, особенно у Арсения.

Берт вообще полагал, что Арс не пьет лишь в надежде на скорое решение проблемы – он по-прежнему не терял надежды на то, что Света скоро отыщется и вернется. В отличие от друга, Берт считал, что поиски уже бессмысленны. Он не имел оснований верить в то, что девушка все еще жива. Впрочем, энтузиазм Арсения, а вернее его маниакальная уверенность в обратном его очень даже радовала. Он будет счастлив оказаться не правым. В любом случае его личное

мнение никак не мешало ему активно заниматься поисками. Он стал при Арсении кем-то вроде специалиста по связям с общественностью и стремился всеми силами если не загладить свою вину, то по возможности исправить ошибку, смягчить и свести к минимуму тяжесть и последствия от нее.

Если бы только это было возможно! Не проходило ни дня, чтобы Берт не стискивал зубы, проклиная себя. Он сильно тосковал. Понимая, что в любом случае Света для него потеряна навсегда, и уже давно, ее присутствие рядом, а вернее его присутствие рядом с ней его вполне устраивало. Рвало душу, мучило и вызывало ревность, но пусть лучше так, лишь бы видеть ее, слышать, и вновь и вновь сознать, что когда-то она была готова стать его женщиной в свой первый раз. Да, это останется с ним навсегда. Это его маленькое счастье, его великий секрет. Его тайная победа над Арсом.

Хлопая спросонья ресницами, Берт схватил трубку.

– Да! – рявкнул он, ни мало не заботясь о чувствах неизвестного абонента.

На том конце провода немного помолчали. Видимо, неласковый тон озадачил человека.

– Добрый день, – услышал Бертуччо неуверенный голос, незнакомый ему.

– Ну, это кому как, – проговорил он, все же смягчив тон. – Чем обязан? Чем могу?

– Ну, это Данил звонит, мы с вами однажды говорили, и вы мне оставили свою визитку.

– Так, какой Данил, и почему на «вы»? Еще дядей меня назови. Хочешь?

– Н-нет, – помялся собеседник. – Я Данил, мы говорили с вами... с тобой однажды. Ваша... твоя знакомая девушка вступилась за меня на улице, а ты спас ее. Была драка.

– Слушай, в моей жизни столько драк, столько синяков и шрамов, и даже жмуриков, что разве все упомнишь... Слушай, какая девушка? Светка что ли?

– Ну да. Ты мне оставил визитку, сказал, что твой брат скрипач, а я тоже учусь в музыкалке.

– Ах вот в чем дело! – Бертуччо взглядом отыскал пачку сигарет и потянулся за одной. – Я вспомнил тебя, чувачок. Слушай, так это же здорово, что ты позвонил. Я правда немного занят. Поисками той самой девушки. Она пропала, ты об этом слышал?

– Нет. Как это пропала? Я могу чем-то помочь?

– Конечно можешь. Найди ее, и станешь богатым. Будут личные телохранители и ни одна паскуда больше в жизни тебя не ударит безнаказанно, – Берт потер глаза.

Страшно хотелось спать. И курить. А еще заурчало в животе. С этой беготней порой и о еде подумать некогда. Арс, кажется, вообще перестал есть. Точно, Берт давно не видел, чтобы тот хоть что-нибудь жевал. Черт, за этим надо будет проследить. Не хватало ему еще этих проблем. То Арс напиивался в зюзю, то теперь объявил еде бойкот. Однажды взял обет, и до выполнения не стриг волосы много лет. Вдруг и

сейчас решил, что не притронется к еде, пока не найдет жену? Ладно, чего-то Берт заумничал и не туда его понесло.

– Слушай, Данил, ты молодец, давай, приезжай. Поговорим.

– Правда? А о чем? – парень не мог скрыть своей радости от приглашения, но природная застенчивость мешала ему принять приглашение с первого раза. Хотя, с некоторых пор это стало его мечтой. Он долго боролся с неуверенностью, прежде чем решился позвонить по заветному номеру.

– Не знаю, обо всем, – Берт жадно затянулся. – Ведь это ты мне позвонил. Просто хотел поздороваться?

– Не только...

– Вот и приезжай. И скрипку захвати, хорошо?

Бертуччо продиктовал адрес и отключился. Так, надо приготовить завтрак, или что там уже по расписанию – обед, и накормить Арсения. Черт, всю жизнь ему вместо няньки прислуживает. Впрочем, чего он ворчит? Арсений ему всю жизнь вместо брата, отца, матери и бога. Так что, долг платежом красен. Да и не долг это вовсе. Любит он этого придурка.

Блин, надо было сказать этому пацану, чтобы купил вина, что ли... хотя, если поискать, может, где-то и завалялось что-нибудь в баре. Сам же Бертуччо и избавился от спиртного от греха подальше, чтобы не провоцировать Арсения. Ладно, покопаемся, время есть. А не то, Данил подгребет, его можно будет послать в ближайший супермаркет, решил

Берт и побрел в ванную умыться.

Арсений выходил из своего Мерседеса, когда рядом затормозила новенькая Ауди 4. За рулем сидела красивая брюнетка. Яркая, блестящая, роскошная. Ну надо же, какая реакция на незнакомую женщину. Арсений усмехнулся. Да, туго ему приходится, природа берет свое, а чувство жуткого одиночества и потерянности грызет так, что скоро, не дай бог, он сам начнет бегать за женщинами с одной просьбой – чтобы его приласкали и погладили по голове.

Женская ласка, женская нежность... Раньше как-то обходился без этого, хотя после встречи с одной дерзкой девчонкой чувство собачьего одиночества не покидало его долгое время, примерно года два, и то он держался, ждал, надеялся. Да, прав Берт: раньше он просто не пробовал этот наркотик под названием «Светлана Черемухина».

А что ему делать сейчас? Как жить? Нет, тут дело не в сексе, не в технике, и даже не в разрядке. А в чем тогда? Если бы он понимал. Была бы Светка рядом, и все было бы нормально. Арсений был уверен, что никогда не посмотрел бы в сторону другой женщины. Но сейчас он один, и красивые девушки просто сами попадают в поле его зрения, он просто подсознательно, без участия здравого смысла и конкретной команды выискивает их в толпе. Непроизвольно, на автомате. И что дальше? Сколько он еще продержится? Да всю жизнь!

Арсений провел по лицу ладонью, словно снимая невиди-

мую паутину морока, и достал сигареты, косясь на красотку. Она не спеша вышла из машины, высокая, стройная, в узких джинсах, высоких сапожках и короткой норковой шубке. Заметив, что за ней наблюдают, кокетливо поправила волосы, улыбнулась красивому незнакомцу и обернулась.

– Данил, ну ты идешь? – позвала она.

Из машины выполз высокий худой парень в темной одежде, взял в руки футляр со скрипкой, обошел машину и терпеливо подставил девушке щеку для поцелуя. Видимо, этот ритуал было необходимо соблюдать к радости девушки, и парень был готов его терпеть.

– Все, Ларёк, я пошел, – тут же сказал он.

– Долго не задерживайся, води себя прилично, – напутствовала его девушка перед какой-то встречей, – береги пальцы, не пей, если будут предлагать, – она поправила воротник его куртки, пригладила челку, от чего парень поморщился.

– Ладно, я понял. Все, я пошел?

– Иди, – улыбнулась ему девушка по имени Ларёк. – Допоздна не засиживайся.

– Хорошо, мамочка, – кивнул парень, нетерпеливо делая приставные шаги к подъезду.

– Я тебе дам мамочку, – хлопнула его по плечу девушка. – Не надоедай чужим людям, да и тебе самому опасно вечером домой поздно возвращаться, ты же понимаешь.

– Понимаю, понимаю, – нетерпеливо кивнул головой па-

рень. — Ну, я могу, наконец, идти?

— Все, давай, удачи тебе, — девушка помахала ему рукой, и взялась за дверцу машины.

Арсений, наблюдавший этот короткий диалог, загрустил. Это, наверное, старшая сестра напутствует своего родственника, проявляя о нем заботу. Забота... Как ему, Арсению, не хватает этой заботы. Все время с начала официальных встреч Света всегда отпускала его с тревогой и волнением, словно боялась больше никогда не увидеть. И он постоянно старался звонить ей, навещать ее в обед, выкраивать для нее время, чтобы время разлук было предельно коротким и не приносило мучений ни ему, ни ей.

Да, любящим людям всегда тяжело расставаться. Как же ненавидит его, должно быть, тот, кто вершит все судьбы, если наказал его разлукой. Оставил нетронутыми все финансы, заработанные честным трудом и собранные на крови других, сохранил здоровье и не повредил внешний облик. Все его таланты и способности такие же, как и прежде — он лучший. Все связи при нем, авторитет, положение в обществе и в той среде, о которой обычно не распространяются. Он выиграл войну, короткую, но такую кровопролитную, но потерял в себе. Буквально.

У него отняли одну конкретную девушку, и теперь он ходячий мертвец. И вроде душа живет и тело чувствует (о! еще как чувствует), но он все равно, что погребен под пластами сырой земли. Зачем ему все это, если нет ее? О, если бы

он мог отдать хоть что-то из того, чем обладает сейчас. Все равно это просто груда побрякушек, пустой звон и ворох пожелтых листьев. И сейчас Арсений понимал и чувствовал, что Света приняла бы его без всех атрибутов, и больным, и нищим, и отвергнутым обществом. Да, для нее никогда не имело значения ни его положение, ни его статус. Она видела в нем что-то, что было дорого без всех этих внешних атрибутов. И он ей поверил и доверился. О, он готов заплатить любую цену, только бы вернуть все назад, только бы вновь обнять ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.